

Андрей Амелин
Андрей Смирных
Ян-Око Хойер

**ЛИЧНОЕ БАНКРОТСТВО
В РОССИИ И В МИРЕ:
ПРОБЛЕМЫ XXI ВЕКА**

Москва
2021

УДК 346.26(09)+343.535
ББК 65.9-93+65.9(2)09
Ц-

А. Амелин, А. Смирных, Ян-Око Хойер
Ц- Личное банкротство в России и в мире: проблемы
XXI века. — М.: «Издание книг ком», 2021. — 160 с.

ISBN 978-5-907446-22-9

Эта книга — первый в России сравнительный анализ современных мировых систем потребительского банкротства. Она включает перевод работы известного немецкого ученого о моделях банкротства, одобренный автором, а также исследование российских экспертов, в котором отечественное банкротство граждан вписывается в международный контекст. В книге приводится уникальная аналитика по российскому личному банкротству, включающая типовой портрет должника и основанная на данных федерального информационного ресурса. Для каждой из рассматриваемых систем приводятся краткие истории известных банкротов прошлого и наших современников.

Книгу можно рекомендовать практикующим юристам, студентам правовых специальностей, а также всем, интересующимся проблемами банкротства.

УДК 346.26(09)+343.535
ББК 65.9-93+69.9(2)09

© Амелин А., Смирных А., Ян-Око Хойер, 2021
ISBN 978-5-907446-22-9 © «Издание книг ком», о-макет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЯН-ОКО ХОЙЕР Социальная интеграция и изоляция в европейских системах потребительского банкротства	
1. ВВЕДЕНИЕ	11
2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА	14
3. ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ БАНКРОТСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАМКАХ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛИЗМА	25
4. КЛАССИФИКАЦИЯ СИСТЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА	34
5. СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СИСТЕМАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА	42
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
АНДРЕЙ АМЕЛИН И АНДРЕЙ СМИРНЫХ Модели банкротства граждан в XXI веке: место России в современном мире	
ГЕРМАНИЯ: МОДЕЛЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	109
ФРАНЦИЯ: МОДЕЛЬ МИЛОСЕРДИЯ	121
США: РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ	131
АНГЛИЯ: МОДЕЛЬ ОГРАНИЧЕНИЙ	140
РОССИЯ: СВОЙ ПУТЬ?	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы во всем мире наблюдается стремительный всплеск внимания к такому феномену, как потребительское банкротство. Рост перекредитованности граждан приобретает невиданные ранее масштабы. По различным оценкам, не менее 10% населения в экономически развитых странах могут в любой момент быть признаны банкротами. В мире массово принимаются новые законы о личной несостоятельности (в России банкротство граждан появилось в 2015 году) или радикально перекраиваются старые (как, например, в США в 2005 году). На наших глазах происходит смена парадигмы банкротства граждан. Один из признаков наступления нового времени в потребительском банкротстве — появление института внесудебной несостоятельности. Россия выступает здесь одним из пионеров: в 2020 году у нас вступили в силу нормы об упрощенном банкротстве, основанные на самых передовых мировых концепциях. Пандемия коронавирусной инфекции ускоряет развитие уже сформировавшихся тенденций, и радикальные изменения в сфере потребительского банкротства становятся очевидными даже стороннему наблюдателю.

Эта небольшая книга предлагает посмотреть на банкротство граждан с не самой обычной для российской юридической литературы сторо-

ны. Обычно появляющиеся на эту тему работы сводятся к анализу действующего в России законодательства и судебной практики. Нисколько не умаляя значение этих безусловно нужных исследований, мы хотели бы предложить несколько иной подход к проблеме — взглянуть на ее общемировой контекст, причем с позиций не только нормативного регулирования, но и конкретных результатов его практического применения. Полагаем, что это окажется небесполезным и для дальнейших исследований прикладного формата.

Впервые на русском языке мы издаем, с любезного разрешения автора, авторизованный перевод исследования авторитетного немецкого ученого, Яна-Око Хойера (Jan-Ocko Heuer), в котором он предлагает и убедительно аргументирует новый подход к классификации мировых систем банкротства граждан, который в последние годы активно используется в литературе о банкротстве (например, в известном исследовании Иэна Рэмси (Iain Ramsey) «Личная несостоятельность в XXI веке: сравнительный анализ систем США и Европы»¹). Он позволяет получить систематическое представление о том, какие модели потребительского банкротства существуют в мире, в условиях, когда проблема перекредитованности граждан стала очевидной, а единого общепринятого подхода к решению этой проблемы пока никто предложить не смог.

Мы также предлагаем вниманию читателя свою небольшую работу, основанную на класси-

¹ Ramsey Iain. *Personal Insolvency in the XXI Century: A Comparative Analysis of the US and Europe*. Oxford and Portland, Oregon. 2017.

фикации Я.-О. Хойера, однако имеющую более популярный характер. Кратко рассматривая каждую из выделенных им моделей — *рыночную модель, модели ограничений, ответственности и милосердия*, но на материале других стран, мы излагаем свое видение места России в этой классификации.

Для того чтобы за теоретическими конструкциями увидеть проблемы живых людей, мы включили в книгу краткие очерки о несостоятельности медийных персон в каждой из рассматриваемых стран. Среди них такие яркие, но в то же время такие непохожие личности, как Марк Твен, Майк Тайсон, Карен Миллен, Савва Морозов и многие другие.

Наконец, впервые в России на основании как официальных, так и собранных нами данных мы представляем аналитический «портрет» должника-банкрота, обобщаем статистику личной несостоятельности и делаем прогнозы на ближайшее будущее. Очень важно правильно понимать количественное измерение практики банкротства граждан, — только на этом основании можно принимать обоснованные решения по совершенствованию законодательства в современных условиях, когда еще ни один правопорядок не предложил оптимального решения проблемы потребительской перекредитованности.

Мы надеемся, что эта книга даст читателям повод задуматься о той значительной роли, которую личное банкротство играет в современном мире и которую, как мы считаем, ему еще предстоит сыграть.

Эта книга не могла бы появиться без поддержки Дмитрия Теплицкого и ООО «АктивБизнесКонсалт», оказавших авторам неоценимое содействие как в подготовке книги к печати, так и в работе над аналитическими материалами по банкротству граждан, размещенными в настоящем издании. Авторы надеются, что эта книга окажется лишь первым опытом исследования проблем банкротства граждан, осуществляемого совместно с ООО «АктивБизнесКонсалт».

*Андрей Амелин, Андрей Смирных
Москва, 2021*

ЯН-ОКО ХОЙЕР

Социальная интеграция и изоляция в европейских системах потребительского банкротства

Перевод с английского — Андрей Смирных

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия рост потребительского кредитования привел к возрастанию масштаба долговых проблем домохозяйств, и многие экономически продвинутые страны ответили на этот новый социальный риск потребительской перекредитованности принятием законов о потребительском банкротстве, позволяющих несостоятельным гражданам начать новую финансовую жизнь (“fresh start”) посредством освобождения от долгов². В этой работе рассматривается потребительское банкротство как элемент социальной политики финансового капитализма,

² Термины «потребительское банкротство», «личное банкротство» и «освобождение потребителей от долгов» используются в настоящей работе как синонимы. Термины «система» и «режим» – как в словосочетании «режим потребительского банкротства» – обозначают, что потребительское банкротство – не только «книжное» право, но и право действующее, нуждающееся поэтому и в юридических нормах, и в практике должников, кредиторов и государственных органов. Термины «несостоятельность» и «перекредитованность» относятся к ситуации существенных финансовых проблем. Наконец, термины «потребители» и «(частное) домохозяйство» относятся к частному сектору экономики.

Прим. редактора. Не вся терминология потребительского банкротства является устоявшейся на русском языке. Сам институт такого банкротства появился в России сравнительно недавно, в 2015 году. Мы предпочли передать термин debt relief как «освобождение от долгов», а не «облегчение долгового бремени», так как последний вариант, на наш взгляд, является слишком расплывчатым и не передает сути этой процедуры, которая заключается в полном или частичном прекращении долгов, а не, например, в позитивном для должника изменении их условий. Чтобы избежать терминологической путаницы, для термина discharge используется конструкция «списание долгов». Термин over-indebtedness мы передаем как «перекредитованность».

классифицируются системы банкротства граждан в пятнадцати экономически развитых странах и исследуется проблема социальной изоляции в европейских системах освобождения потребителей от долгов³. Делается три основных вывода. Во-первых, можно выделить два подхода к потребительскому банкротству в Западной Европе: «германская» модель ответственности, подчеркивающая ответственность должника за неисполнение обязательств, и «франко-скандинавская» модель милосердия, которая фокусируется на том, что должнику необходимо «заслужить» освобождение от долгов⁴. Во-вторых, оба подхода отсекают большое количество несостоятельных граждан от возможности начать экономическую жизнь заново (“fresh start”), но они отличаются по нормативным основаниям, механизмам изоляции и типам изолируемых должников. В-третьих, социальная изоляция перекредитованных домохозяйств вредит и должникам, и обществу; с ней можно бороться усилением влияния потребительского банкротства на регулирование рынка кредитования, а не мерами политики государства всеобщего благосостояния, перенесенными в сфе-

³ Эта работа содержит выводы из проекта моей диссертации «Правила и нормы потребительского банкротства и освобождения потребителей от долгов: классификация систем личного банкротства в пятнадцати развитых экономических системах», написанной под научным руководством проф. Карин Готтшаль (Prof. Dr. Karin Gottschall, BIGSSS, University of Bremen). Эта работа является первым вариантом проекта, просьба не ссылаться на нее без отдельного разрешения; любые комментарии приветствуются.

⁴ Системы освобождения от долгов в Англии/Уэльсе и Шотландии относятся к другой модели (см. Раздел 4).

ру освобождения от долгов несостоятельных потребителей.

Настоящее исследование построено следующим образом. В разделе 2 дается определение потребительского банкротства, его участников, целей и составных элементов. Раздел 3 включает введение и реформирование законодательства о потребительском банкротстве в контекст недавних трансформационных процессов капитализма и политики государства всеобщего благосостояния. В разделе 4 системы потребительского банкротства пятнадцати экономически развитых стран классифицируются по четырем группам и выделяются основные характеристики этих групп. Раздел 5 фокусируется на двух примерах, представляющих европейские системы потребительского банкротства, и показывает на опыте австрийской и шведской систем, что в обоих вариантах существенная доля несостоятельных граждан изолирована от возможности “fresh start” из-за моральных, экономических и социально-политических принципов европейских систем освобождения потребителей от долгов. Наконец, в Разделе 6 обозначаются последствия непредоставления перекредитованным домохозяйствам возможности освобождения от долгов и дается обоснование необходимости реформирования европейского законодательства о потребительском банкротстве.

2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА

В данном разделе рассматриваются потребительское банкротство, его участники, цели и составные элементы. Он начинается с общего обзора истории потребительского банкротства⁵, в которой можно в первом приближении выделить три основные фазы. В первой фазе, которая продолжалась со времен древнейшей письменной истории до начала Нового времени, законы о банкротстве фокусировались на взыскании задолженности с неплатежеспособных должников, к которым применялись суровые наказания, например, публичное унижение, лишение гражданских и политических прав, изгнание, тюремное заключение, долговая кабала, членовредительские наказания и смертная казнь, чтобы утвердить принципы личной ответственности, взаимности, необходимости исполнения принятых обязательств/*pacta sunt servanda*/ (Levinthal, 1918). Даже первые условно «современные» законы о банкротстве, такие как английские статуты 1542 и 1570 года, относились к неплатежеспособным должникам как к квази-преступникам и служили в основном орудием для взыскания долгов в руках кре-

⁵ Термин «банкротство» возник в средние века, он происходит от латинского слова “*banca*” (скамья) и “*rupta*” (сломанная) и обычно связывается с предполагаемой практикой ломать скамьи неплатежеспособных менял на рынках, чтобы уничтожить места их торговой деятельности в средневековой Италии; тем не менее недавние исторические исследования показали, что, вероятно, это миф, либо, если это случалось, это была маргинальная и спонтанная практика (Schick, 2006, p. 221).

диторов: «освобождение было не для должников, а от должников» (Tabb, 1995, p.8).

На второй фазе, которая продолжалась от появления современного капитализма в Европе до начала XX века, мы видим трансформацию законов о банкротстве в средство установления баланса интересов должников и кредиторов в предпринимательской и торговой сфере. Проходят столетия, законы о банкротстве становятся менее карающими и начинают признавать, что реструктуризация в отношении несостоятельного должника может быть более выгодной для кредиторов, чем фокусирование на взыскании его долгов. «Самым важным в развитии законодательства о банкротстве» (McCoid, II 1996) было освобождение должника от обязательств в английском законодательстве о банкротстве начала XVIII века⁶, хотя первоначально такое освобождение было лишь элементом политики «кнута и пряника», которая вознаграждала должников, сотрудничавших с кредиторами, в то время как отказывающимся от сотрудничества должникам угрожала смертная казнь (Tabb, 1991). В девятнадцатом веке и в начале двадцатого века системы банкротства, происходящие из английской правовой традиции, позволяли должникам подавать заявления о собственном банкротстве (*voluntary petition*) и сделали возможным освобождение от долгов в не связанной с предпринимательством сфере. Тем не менее даже в этих англо-саксонских странах банкротство оставалось ориентированным

⁶ Прим. редактора. Одним из идеологов этой реформы был Даниэль Дефо, сам пострадавший от традиционного для того времени подхода к банкротству.

на должников-предпринимателей и редко применялось гражданами, не связанными с предпринимательством (Tabb, 2007).

За последние десятилетия законы о банкротстве претерпели еще одну трансформацию, в этот раз превращаясь в меру социальной и потребительской политики, которая должна была справиться с новым общественным риском потребительской перекредитованности (Tabb, 2005). Формирование современных систем потребительского банкротства происходило двумя способами: англо-саксонские страны (например, Англия/Уэльс, Шотландия, Новая Зеландия, Австралия, Канада, США) реформировали уже существовавшие законы о личном банкротстве, адаптируя их к нуждам перекредитованных потребителей, в то время как другие страны — в которых личное банкротство и освобождение от долгов было недоступным для не-предпринимателей — предусмотрели нормы об освобождении от обязательств в не связанной с предпринимательством сфере как новый правовой инструмент (Niemi, 2010, Kilborn, 2011)⁷.

⁷ Законы о потребительском банкротстве были приняты в Дании (1984), Норвегии (1992–1993; принят в 1992, вступил в силу в 1993 году), Финляндии (1993), Швеции (1994), Австрии (1993–1995), Германии (1994–1999), Нидерландах (1998), Бельгии (1998–1999, с полным списанием долгов – 2005); Франции (1998–1999), Люксембурге (2000–2001), Эстонии (2003–2004), Португалии (2004), Словакии (2004–2006), Чехии (2006–2008), Латвии (2007–2008), Словении (2007–2008), Польше (2008–2009), Греции (2010–2011), Ирландии (2012) и много неевропейских стран. Проекты законов существуют в Италии, Венгрии, Литве и Румынии; единственные страны Европейского Союза, которые не приняли законов и не занимались разработкой законопроектов на 2012 год, – Болгария, Кипр и Мальта.

В то же время произошедшая недавно трансформация личного банкротства не была отражена на концептуальном уровне. Более ранние определения личного банкротства фокусируются на тех аспектах, которые сейчас имеют подчиненное значение, а современная литература о потребительском банкротстве воздерживается от концептуальных определений. Отсутствие определения потребительского банкротства неудовлетворительно по трем причинам. Во-первых, для того, чтобы изучать потребительское банкротство, надо определить изучаемый феномен; во-вторых, это полезно для отграничения современных систем личного банкротства от предшествующих; в-третьих, это также желательно для разграничения потребительского и корпоративного банкротства, так как «те, кто приравнивает причины, обуславливающие банкротство юридических лиц, к политике, на которой базируется личное банкротство, совершают ошибку в категориях» (Rasmussen, 2007, p. 3).

В связи с этим, я предлагаю следующее определение потребительского банкротства (и терминов, которые используются здесь как синонимы — личное банкротство и освобождение потребителей от долгов). Потребительское банкротство: (1) это формальный режим, установленный законодательными нормами (= *правовой режим*); (2) направлено на урегулирование финансовых проблем должника (= *урегулирование проблем задолженности*); (3) затрагивает всех (необеспеченных) кредиторов должника (= *коллективное*);

(4) направлено на должников-граждан, не занятых независимой хозяйственной деятельностью (= *потребители*); (5) включает возможность начать новую финансовую жизнь (“fresh start”) посредством принудительного прекращения требований кредиторов (= *освобождение от долгов*) и (6) предоставляет должнику возможность самому начать процедуру (= *заявление о собственном банкротстве*). Таким образом, *потребительское банкротство* — это правовая процедура для коллективного урегулирования проблем задолженности потребителя, предполагающая возможность добровольной подачи заявления о собственном банкротстве и освобождения от долгов.

Это определение указывает на главные характеристики современных режимов потребительского банкротства и ограничивает их как от предшествовавших режимов личного банкротства, так и от банкротства юридических лиц. Первые три характеристики применяются к банкротству в целом и отделяют его от неформальных методов урегулирования долгов, от неплатежеспособности (понимаемой как финансовое состояние) и от механизмов индивидуального взыскания долгов. Четвертая характеристика — базовое отличие от корпоративного банкротства, которое имеет дело с искусственными правовыми образованиями (юридическими лицами), в то время как потребительское банкротство имеет дело с физическими лицами (их определенной категорией); из этого отличия следуют все различия целей, структуры и составных элементов

соответствующих режимов. Пятая особенность — освобождение от долгов — ограничивает потребительское банкротство от большинства его предшественников и исключает некоторые современные режимы, которые имеют дело с перекредитованностью потребителей, но не предлагают списания долгов⁸.

Субъекты отношений потребительского банкротства — должники, кредиторы и уполномоченные в сфере банкротства лица. Первая группа — *должники* — может быть подразделена на платежеспособных и неплатежеспособных должников. Хотя именно неплатежеспособные должники являются целевой группой для правил освобождения от долгов, платежеспособных должников тоже затрагивают эти нормы, так как банкротное регулирование — подразумеваемая часть любых кредитных отношений, оказывающая влияние на решение о выдаче кредита и на его цену. Более того, законодательство о банкротстве создает нормативную структуру, которая формирует нормы, ожидания и поведение всех членов общества. Внутри группы неплатежеспособных должников можно провести различие между теми должниками, которые обращаются с заявлением о собственном банкротстве, и теми, кто этого не делает. На самом деле, подавляющее большинство пере-

⁸ *Исключение режимов, которые не предлагают списания долгов (например, Испания и Швейцария) оправдано по целому ряду теоретических и практических соображений, не в последнюю очередь потому, что списание долгов существенно изменяет цели, структуру и элементы режима, так же, как и баланс интересов между должником и кредитором; иными словами, режим со списанием долгов имеет существенные особенности.*

кредитованных граждан не обращается за освобождением от долгов (из-за незнания, социальной стигматизации, издержек, отсутствия очевидной выгоды)⁹. Наконец, общепринятое и полезное разграничение должников можно провести, исходя из их способности к выплатам: в то время как активы и доходы должников категории NINA (no income, no asset /нет доходов, нет активов/) так незначительны, что освобождаются от взыскания, должники категории “can pay” /способные, могущие платить/ могут возместить хотя бы часть требований кредиторов.

Для второй группы субъектов — *кредиторов* — имеют значение два вида различий. Во-первых, кредиторы относятся либо к обеспеченным (то есть кредиторам, требования которых обеспечены залогом имущества должника), либо к необеспеченным (то есть кредиторам, не имеющим залога на имущество должника). Банкротство, главным образом, затрагивает необеспеченных кредиторов, так как права кредитора в части обеспечения сохраняются в банкротстве (хотя определенные ограничения могут применяться в ходе процедуры банкротства). Во-вторых, в рамках группы необеспеченных кредиторов полезно выделять коммерческих и некоммерческих (или добро-

вольных и вынужденных) кредиторов¹⁰. Хотя коммерческие кредиторы наиболее значимы в делах о потребительском банкротстве (исходя из размера задолженности перед ними), отношение к некоммерческим или вынужденным кредиторам и их требованиям, то есть налогам, штрафам, возмещению вреда, алиментам и платежам на содержание детей, студенческим займам, также представляет интерес.

Третью группу субъектов можно объединить под общим названием «уполномоченные лица». Она включает в себя субъектов, выполняющих различные функции в соответствии с законодательством о банкротстве (например, судьи, сотрудники аппаратов судов, арбитражные управляющие, административные агентства, юристы, социальные работники, финансовые консультанты, организаторы финансового обучения). В отношении таких субъектов особенно интересны задействие внесудебных органов в потребительском банкротстве и масштаб их дискреционных полномочий.

В отношении целей потребительского банкротства среди исследователей есть согласие по вопросу о том, что современные системы потребительского банкротства имеют по крайней мере две цели: предоставление возможности начать новую финансовую жизнь (“fresh start”) добросовестным несостоятельным гражданам, не занимающимся предпринимательской дея-

⁹ Например, количество перекредитованных граждан в Германии оценивается в 6,6 млн человек (Verband der Vereine Creditreform e.V. 2012), но только 130 000 заявлений о личном банкротстве подается ежегодно (Statistisches Bundesamt Deutschland 2012).

¹⁰ Коммерческие кредиторы заняты расширением возможности кредитования в отличие от некоммерческих кредиторов и, соответственно, добровольно вступают в кредитные отношения, в отличие от вынужденных кредиторов (Sullivan et al. 1989, p. 293).

тельностью, и распределение имущества должника (на которое не распространяется иммунитет от взыскания) и/или его доходов. Есть также понимание, что практическая значимость этих целей различна: в подавляющем большинстве случаев потребительского банкротства практически нечего распределять между кредиторами, и “fresh start” часто является единственной практической целью потребительского банкротства¹¹.

Наконец, важные элементы потребительского банкротства можно увидеть, если представить следующую гипотетическую процедуру освобождения от долгов: должники могут нуждаться в профессиональном и недорогом консультировании в сфере долгов для подготовки заявления о собственном банкротстве, а нормативное регулирование банкротства может даже обязывать должников получать такие консультации. *Альтернативы банкротству* — то есть формальные переговоры о (частичном) урегулировании долгов, — могут быть либо опциональными, либо обязательными до возбуждения процедуры банкротства

¹¹ См. Hallinan, 1986, p. 50f.: «Один из прочно установленных принципов изведенной временем мудрости банкротства, конечно, состоит в том, что система банкротства выполняет две функции: защиту кредиторов и получение ими возмещения; предоставление «убежища» и возможности “fresh start” для чрезмерно обремененных должников. Это описание соответствует действительности, только если оно относится к системе в целом. На практике подавляющее большинство процедур потребительского банкротства приносят незначительное возмещение кредиторам или вообще ничего не приносят. В таких банкротствах освобождение должников посредством списания долгов в банкротстве и дополнительных мер — не просто одна из задач, но главная (если не единственная) цель этого мероприятия».

или в ее процессе. Дело о банкротстве инициируется по заявлению должника (или кредитора, если это допускается), для чего необходимы *личные и финансовые предпосылки* (например, относящиеся к месту жительства должника, размеру задолженности и активов, числу кредиторов, формированию и продолжительности проблем с долгами и т.д.) и, возможно, индивидуальный допуск должника к процедуре (“access screening”, то есть индивидуальное рассмотрение личных и экономических обстоятельств должника). Во время процедуры банкротства может иметь место *отсрочка (индивидуального) принудительного взыскания долгов; оспаривание сделок* может позволить уполномоченным лицам признать недействительными определенные сделки должника, совершенные в предбанкротный период; может быть обособлено *имущество должника-банкрота*, включая его активы (для целей реализации активов) и/или доходы (в течение периода платежей), но некоторые виды имущества и доходов обладают *иммунитетом* от взыскания для того, чтобы обеспечить выживание и существование должника. Кроме того, на должников могут быть возложены *обязанности по обучению и определенному поведению* — посещению уроков финансовой грамотности, обязанности в сфере трудоустройства (поиск работы) или в кредитной сфере (воздерживаться от новых долгов). Должники могут быть также подвергнуты *дисквалификации* или определенным *ограничениям* — экономическим (на право управлять компанией), политическим (на право избирать и быть

избранным), гражданским (на право покидать страну). Банкротство обычно завершается *списанием долгов*, которое может быть автоматическим, возможным или условным. Нормы о банкротстве часто исключают отдельные виды долгов из-под действия режима списания по соображениям публичной политики (*исключения*) и допускают *отказ от списания*, если должник не соответствует требованиям законодательства о банкротстве.

Обычно потребительское банкротство — «игра с низкими ставками», по крайней мере, с точки зрения коммерческих кредиторов и государства; таким образом, по своей природе оно имеет в большей степени административный характер, чем формально-юридический или состязательный. Фактически, «большая часть кейсов в этой сфере — краткие и несложные дела» (Baird, 2010, p. 30), так как кредиторы воздерживаются от участия в процедурах, а государство стремится к повышению эффективности административных процедур.

3. ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ БАНКРОТСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАМКАХ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Следуя плану рассмотрения потребительского банкротства, в этом разделе возникновение потребительского банкротства связывается с трансформацией капитализма и государства всеобщего благосостояния; обсуждается выступление потребительского банкротства в качестве новой социальной политики; обосновывается, что личное банкротство отражает фундаментальные моральные, экономические и социальные нормы общества.

Недавнее распространение законов о потребительском банкротстве во всем мире — это реакция на изменение масштаба долговых проблем домохозяйств. Потребительская перекредитованность — это «ситуация, в которой потребители определено будут не в состоянии выполнять свои финансовые обязательства в ближайшем будущем. Эта ситуация обусловлена всеобщим ухудшением экономического положения потребителей и зависящих от них членов семей и постепенно приведет к их социальной изоляции, повышению стоимости жизни («бедные платят больше») и меньшей вовлеченности во всеобщее экономическое развитие и социальный прогресс» (Reifner et al., 2003, p. 18). Для должников перекредитованность — не только финансовая проблема; она негативно влияет и на их благополучие, здоровье,

жилищные условия, образование, занятость, доход и социальную активность. Перекредитованность также создает дополнительные издержки и бремя для финансовых рынков, рынков труда, национального дохода, систем здравоохранения, благосостояния и юридических систем (обзор см.: Neuer, 2009, p. 40ff.).

Исследование масштаба перекредитованности домохозяйств показывает, что во всех развитых экономиках существенная доля частных домохозяйств — от 4 до 34%, в зависимости от конкретной страны — испытывает серьезные долговые проблемы (Betti et al., 2007; Rojas Gonzalez, Montaigne, 2010; Aniola, Golas, 2012). Многие страны Европы внедрили широкий перечень мер по предотвращению, смягчению и противодействию потребительской перекредитованности (обзор см. Angel et al., 2009). Более того, *Европейский Союз* провел исследование потребительской перекредитованности и организовал экспертные обзоры «лучших практик» освобождения от долгов (Huls et al., 1994; Betti et al., 2001; Reifner et al., 2003; Korczak, 2006; London economics, 2012); *Совет Европы* опубликовал исследование и одобрил рекомендации о «правовых решениях долговых проблем в кредитовании» (Niemi-Kiesilainen, Henrikson, 2005; Council of Europe, Committee of Ministers, 2008); *Международная ассоциация реструктуризации, несостоятельности и банкротства* опубликовала два доклада по проблемам потребительской задолженности и освобождения от долгов (INSOL International, 2001, 2011); а Всемирный банк не-

давно выпустил «отчет о процедурах банкротства физических лиц» как руководство для дальнейшего развития законодательства о потребительском банкротстве (Kilborn et al., 2013).

Причины потребительской перекредитованности достаточно противоречивы. Можно выделить два подхода к установлению этих причин. Первый из них обращает внимание на значительный рост потребительского кредитования за последние три десятилетия и отмечает, что, при прочих равных, рост кредитования вызывает и рост числа дефолтов (Baird, 2007). Другой подход указывает на дополнительные причины, такие как изменения семейных отношений, рынка труда и государства благосостояния, и ссылается на существенные изменения, произошедшие после возникновения пост-фордской экономики (Reis, 1992; Ebli, 2003) и «общества риска» (Bakert, 2003; Korczak, 2004). Он также отмечает, что главные триггеры перекредитованности, с точки зрения гражданина, — это типовые риски современного общества (например, безработица, низкий уровень доходов, разводы, неудачи в бизнесе и все нарастающее сложное переплетение личных и финансовых решений).

В целом рост потребительской перекредитованности и потребительского банкротства может быть связан с глубокими социальными, экономическими, политическими и культурными трансформациями последних десятилетий (Postone, 2007, Streeck, 2011). Сокращение роли государства всеобщего благосостояния и уменьшившееся ре-

гулирование рынка труда повысили степень экономической уязвимости отдельных домохозяйств (Hacker, O'Leary, 2012; Porter, 2012). В ответ домохозяйства заместили кредитами доходы для того, чтобы смягчить изменение уровня потребления, оплачивать жилище, медицинские услуги, образование (Barba, Pivetti, 2009). С другой стороны, уменьшение регулирования и либерализация финансовых рынков, глобализация и «финансиализация» национальных экономик, развитие в сфере доступа к информации и оценки рисков, а также финансовые инновации повысили доступность кредитования и открыли значимые кредитные рынки для домохозяйств с низким уровнем дохода, которые ранее не могли получить кредит (Mann, 2006, Logemann, 2012). Доступ к кредитованию со стороны домохозяйств со средним и низким уровнем дохода поддержал общий уровень потребительского спроса и затемнил возрастающее неравенство в сфере доходов (Kueger, Perry, 2006; Iacoviello, 2008). Эти изменения усилили связь между долгом и платежной дисциплиной (Calder, 1999; Graeber, 2011; Mahmud, 2012). Колин Крауч охарактеризовал этот «неосознанный политический режим», связавший увеличивающиеся долги за жилье и другие долги домохозяйств с низким и средним уровнем доходов и нерегулируемые рынки деривативов, как «приватизированное кейнсианство», поскольку домохозяйства заняли место правительств в принятии на себя долгов и стимулировании экономики (Crouch, 2009). Кратко говоря, возникновение потребительской

перекредитованности и потребительского банкротства играет существенную роль в недавних трансформациях развитой капиталистической системы.

Тем не менее потребительское банкротство представляет интерес не только как ответ на постоянно возрастающие проблемы потребительской перекредитованности. Оно также интересно как (новая) мера социальной политики, которая может представлять образ будущей социальной политики в капиталистических экономиках, нацеленных на режим жесткой экономии и стремящихся сократить щедрые расходы, характерные для государства всеобщего благосостояния. Кратко говоря, потребительское банкротство может быть интересно для исследователей государства всеобщего благосостояния в силу пяти причин. Во-первых, потребительское банкротство представляет собой сдвиг от политики перераспределения к политике регулирования, поскольку перераспределение осуществляется только в непрямой форме, средствами регулирования деятельности субъектов в частном секторе (Huls, 1992; Schelke, 2012). Во-вторых, в связи с этим потребительское банкротство отражает еще одну форму проникновения политики государства всеобщего благосостояния в сферу частного/гражданского права, отразившуюся в доктрине «социального формажора» (Wilhelmson, 1990; Niemi-Kiesilainen, 2003). В-третьих, потребительское банкротство — «последний шанс задним числом прибегнуть к системе социальной защиты» (Tabb, 2005, p. 778), ко-

торая охраняет граждан от широкого спектра социальных рисков, ассоциирующихся с долговыми проблемами, поскольку, к лучшему или к худшему, но потребительское банкротство заменяет другие виды социальной защиты, такие как здравоохранение и страхование от безработицы (Sullivan et al., 2000, Feibelman, 2005). В-четвертых, потребительское банкротство показывает направленность социальной политики на потребителей и средний класс, поскольку и потребительское кредитование, и личное банкротство выгодны в основном для тех домохозяйств, которые более кредитоспособны и могут выиграть больше благодаря освобождению от долгов (Posner, 1995, Korobkin, 2003). И, в-пятых, потребительское банкротство отражает ориентированность социальной политики на рынок, так как правительства оставляют адаптацию потребностей к доходам на откуп кредитным рынкам и домохозяйствам и вмешиваются только в случае дефолта посредством регулирования вещных и обязательственных прав (Ramsay, 1997, 2003). По сути, потребительское банкротство укрепляет рынок, когда, казалось бы, должно его подрывать, но подрывает государство всеобщего благосостояния, хотя должно было бы его укреплять: регулируя кредитный рынок, оно поддерживает надлежащее перераспределение денежных средств, но, перераспределяя средства только в подтвержденных случаях действительной необходимости, оно поддерживает рынок.

Рассмотренная с экономической точки зрения идея, на которой основано потребительское

банкротство, достаточно проста: подразумевая возможность освобождения от долгов по каждому кредитному договору, потребительское банкротство представляет собой форму «обязательного страхования долгов» и переносит риск дефолта на рынках потребительского кредитования с должников на их кредиторов (Jackson, 1985, Adler et al., 2000). Обоснование такого переноса рисков заключается в том, что коммерческие кредиторы предполагаются «лучшими оценщиками рисков» и «лучше несут риски»: с точки зрения *ex ante* (то есть на момент получения кредита), кредиторы – «лучшие оценщики рисков», поскольку они могут использовать кредитные отчеты и скоринговые модели для оценки дефолта и, соответственно, устанавливать свои кредитные стандарты. С точки зрения *ex post* (то есть на момент дефолта), кредиторы «лучше несут риски», так как они могут объединить издержки из-за дефолта и распределить их между всеми заемщиками посредством повышения цены кредита (Halinan, 1986). Но, согласно экономической теории, это повышение цены кредита ведет к снижению использования кредитов, и, таким образом, экономическая логика освобождения от долгов в потребительском банкротстве «приводит к необходимости сопоставления выгод от страхования и издержек от снижения общей кредитоспособности» (Chatterjee, 2008, p. 5)¹².

Таким образом, очевидно, что потребительское банкротство — не только экономический вопрос.

¹² В то же время заемщики вынуждены оплачивать цену дефолта и там, где не существует режима освобождения от долгов.

Оставив в стороне личные трагедии и социальные драмы, с которыми оно связано, мы видим, что потребительское банкротство затрагивает многие фундаментальные вопросы общественной жизни и современных обществ в целом. В действительности, одна из наиболее поразительных черт потребительского банкротства — это дистанция между его несложной экономической логикой и глубокими моральными, правовыми и социально-политическими проблемами, которые оно ставит выше чисто экономических вопросов. В сущности, для общества, в котором деньги выполняют социально связующую функцию, а отношения между кредитором и должником — основная форма экономического взаимодействия, и принятие рисков — основа экономического развития, что может оказаться более подходящим для отражения экономических, моральных и социальных норм, чем правила и практики в важнейшей сфере невыполнения экономических и договорных обязанностей?

Это значение личного банкротства отражено историком права Брюсом Манном: «Прощает ли общество должников, и как оно дарует или воздерживается от прощения, — вопросы, имеющие значительные правовые и экономические последствия. Они также относятся к самым коренным общественным ценностям» (Mann, 2002, p. 2). Это созвучно мнению, которое высказал Дональд Р. Коробкин о «перформативной» природе банкротства: оно помогает выйти из тупиковой ситуации, когда должники не могут исполнить свои закон-

ные обязанности, предлагая нечто, «заменяющее» исполнение первоначально принятых должником обязательств. Вынуждая должника выказывать ритуальное уважение к тем нормам, которые освобождение от долгов на деле ниспровергает, право банкротства способно «упразднить социальное государство, не разрушая общественного порядка» (Korobkin, 2003, p. 2146). Это подразумевает, что принятые в том или ином обществе нормы банкротства «выражают его фундаментальные ценности и лежащие в его основании мифы» (Korobkin, 2003, p. 2159) — аргумент, к которому стоит прислушаться при сравнительных исследованиях капиталистических экономик и государств всеобщего благосостояния.

4. КЛАССИФИКАЦИЯ СИСТЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА

Появление потребительского банкротства во всем мире вызвало интерес к различиям в подходах к освобождению от долгов, характерным для разных стран, и с 1990-х годов «сравнительные исследования потребительского банкротства» стали частью сравнительного правоведения (Anderson, 2004, Spooner, 2012). Исследуя правила, цели и смыслы потребительского банкротства в развитых экономиках, ученые пытались выявить общие модели освобождения потребителей от долгов (Ramsay, 1997, Niemeyer-Kiesilainen, 1999, 2003; Reifner, Springeneer, 2004; Kilborn, 2009). Однако эти классификации приводят к противоречивым результатам в отношении количества таких моделей и отнесения систем различных государств к этим моделям. Кроме того, эти исследования имеют ограниченную эмпирическую основу, не обосновывают подробно выбор рассматриваемых индикаторов и аспектов, исследуют избранные ими вопросы слишком бегло, не объясняют связи между правилами, целями банкротства и лежащими в их основе нормами и, вероятно, устарели ввиду многочисленных недавних реформ законодательства. Таким образом, желательно создать более обоснованную и современную классификацию систем потребительского банкротства, чтобы помочь будущим исследованиям и объяснениям различных подходов к освобождению потребителей от долгов.

В этом разделе представлены результаты классификации систем потребительского банкротства в пятнадцати развитых экономиках¹⁵. Выбор стран был обусловлен тремя причинами. Во-первых, они должны обладать характеристиками, позволяющими говорить о том, что сравниваются лишь сравнимые величины: развитые рынки потребительского кредитования, развитые системы взыскания долгов и системы потребительского банкротства (как это определено в разделе 2). Во-вторых, они должны представлять различные правовые традиции, подходы к государству всеобщего благосостояния и модели капиталистического развития. В-третьих, практическое условие — доступность достаточного объема источников по системам потребительского банкротства. Таким образом, в сферу рассмотрения включены шесть «зрелых» систем англо-саксонского потребительского банкротства (Австралия, Англия и Уэльс, Канада, Новая Зеландия, США и Шотландия) и девять европейских систем потребительского банкротства сравнительно недавнего происхождения (Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция).

Рамки классификации были разработаны на основании теоретического исследования потре-

¹⁵ Полный анализ входит в мою диссертацию «Правила и нормы потребительского банкротства и освобождения потребителей от долгов: классификация систем личного банкротства в пятнадцати развитых экономических системах» и работу «Разнообразие видов освобождения потребителей от долгов: классификация систем личного банкротства в пятнадцати развитых экономических системах».

бительского банкротства. Кратко говоря, обосновывается, что каждая система потребительского банкротства должна решить три вопроса, относящиеся к ее главной цели — предоставлению несостоятельным потребителям возможности начать новую финансовую жизнь ("fresh start"). Первый вопрос относится к допуску потребителей к возможности "fresh start" («кто может быть освобожден?») и применимым ограничениям, а именно: (1) предотвращению злоупотреблений банкротством, (2) обязанностям по обучению и определенному поведению и (3) дисквалификации и ограничениям, налагаемым на должника; а также к мерам поддержки: (4) защите должника и (5) поддержке должников категории NINA. Второй вопрос относится к объему освобождения от долгов («от чего может быть освобожден?») и (6) исключениям из правила об освобождении. Третий вопрос относится ко времени начала "fresh start" («когда освобождение вступает в силу?») и к (7) продолжительности банкротства. Наконец, ко всем трем вопросам относится проблема (8) дискреционных полномочий уполномоченных в банкротстве органов. Для оценки этих восьми проблем были использованы восемь индексов и сорок один индикатор (см. табл. 1 в Приложении).

Исследование основано на сотнях первичных и вторичных источников, включая законы и иные нормативные документы, прецедентное право, юридические комментарии и практические исследования. На основании этих источников сделаны сжатые описания, структурированный и сфокуси-

рованный сравнительный анализ, сформирован массив данных (по сравнительному потребительскому банкротству), включающий оценку регулирования и практики потребительского банкротства по состоянию на 2011 год по 207 переменным и индексам. Для классификации был проведен иерархический кластерный анализ (метрика расстояний: квадрат Евклидова расстояния; алгоритм кластеризации: метод Уорда) по восьми индексам и тридцати шести индикаторам¹⁴.

В результате исследования была получена система, состоящая из четырех следующих кластеров.

Кластер 1 включает США и Канаду; эти системы потребительского банкротства представляют рыночную модель (*market model*) потребительского банкротства, которая позволяет быстро освободиться от договорных обязательств, но не включает многие внедоговорные обязательства и обязательства перед вынужденными кредиторами в объем освобождения от долгов. Термин «рыночная модель» используется ввиду того, что ее подразумеваемая идея — это (стандартный) рыночный подход к банкротству, который предполагает, что освобождение от долгов в потребительском банкротстве — средство для рас-

¹⁴ Пять индикаторов были исключены, так как по ним нет вариативности в рассматриваемых ситуациях: (1) приостановление принудительного взыскания отдельных кредиторов; (2) требование «процессуальной честности»; (3) реализация не подлежащих изъятию активов должника; (4) установления периода платежей для могущих платить должников; (5) списание долгов по обязательствам. Можно утверждать, что эти пять аспектов образуют (малое) ядро потребительского банкротства.

пределения рисков на кредитном рынке, переноса рисков и издержек дефолта с должников на кредиторов для повышения рыночной эффективности. В то же время недавно предусмотренные в обеих странах обязанности должников по обучению и определенному поведению (например, консультирование по вопросам долгов, финансовое обучение) ослабили этот подход.

Кластер 2 включает Англию/Уэльс, Шотландию, Австралию и Новую Зеландию. У этих четырех систем есть общие черты с рыночной моделью, например, сравнительно короткая продолжительность банкротства, от одного до трех лет. Недавние реформы освобождения от долгов потребителей в этих странах также свидетельствуют о дальнейшем «продвижении в сторону рынка». Однако в них остаются черты, не соответствующие рыночной модели, наиболее яркие из которых — экономические, политические и гражданские ограничения и дисквалификации в отношении должников во время и после банкротства. Следовательно, эти системы личного банкротства (по-прежнему) демонстрируют идею защиты общества от должников и поддержания общественного порядка, которые, вероятно, основаны на происхождении банкротства из уголовного права, поэтому этот подход можно назвать *моделью ограничений (restrictions model)*.

Кластер 3 включает Германию и Австрию. Для обеих систем потребительского банкротства характерны продолжительные периоды платежей должника (соответственно, шесть и семь лет),

значительное количество обязанностей по обучению и определенному поведению должников и наличие у кредиторов права контроля. Этот подход разделяет с рыночной моделью представление о потребительской перекредитованности как об экономическом феномене, но он прямо противоположен рыночной модели в том, что он выражает ответственность должника за уплату долга (а не ответственность кредиторов за принятие информированных решений о кредитовании) и направлен на увеличение размера платежей в пользу кредиторов; таким образом, этот подход можно назвать *моделью ответственности (liability model)*; подробнее см. раздел 5.

Наконец, кластер 4 включает в себя модели потребительского банкротства Франции, Бельгии и скандинавских стран (Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции). Эти системы — где освобождение потребителей от долгов осуществляется вне общих законов о банкротстве (банкротстве юридических лиц), исходят из социально-политических соображений о том, кто «заслуживает» освобождения, и фокусируются на нуждах и возможностях должников. В результате, процедуры имеют адаптивный, «настраиваемый» характер и предоставляют уполномоченным лицам широкие дискреционные полномочия для того, чтобы определить направление, продолжительность и конечный итог процедуры освобождения от долгов потребителя, что в должной степени иллюстрируется примером строгого ограничения доступа к процедуре в скандинавских странах и разнообразия видов

самых процедур во Франции. Поскольку эта модель освобождения от долгов ставит должников в зависимость от усмотрения уполномоченных лиц, ее можно назвать *моделью милосердия (mercy model)*; подробнее см. раздел 5¹⁵.

Хотя эти группы были выделены на основании эмпирического исследования, полученные «реальные типы» можно использовать для создания четырех «идеальных типов» потребительского банкротства, расположенных в ограниченной двумя осями двухмерной плоскости. Первая ось разделяет экономические отношения между должником и кредитором и публичную сферу отношений должника к обществу; вторая разграничивает фокусирование внимания на должнике или на кредиторах и обществе. Например, и *рыночная модель*, и *модель ответственности* нацелены на регулирование отношений между должником и кредитором в экономической сфере, но рыночная модель подчеркивает ответственность кредиторов за чрезмерное предоставление кредитов, в то время как модель ответственности сосредотачивается на ответственности должников за уплату долга. Напротив, *модель ограничений* и *модель милосердия* обращают внимание на публичную сферу отношений между должником и обществом, но модель ограничений сосредотачивается на за-

---

¹⁵ В зависимости от условий кластерного анализа голландскую систему можно отнести либо к «германскому», либо к «франко-скандинавскому» кластеру (хотя реформы подсказывают, что она движется в сторону «франко-скандинавской» группы). Поскольку голландская система содержит элементы, характерные для обеих европейских групп, здесь она останется вне рассмотрения.

щите общества от должника, а модель милосердия подчеркивает, что должники должны заслужить освобождение. Эти теоретические модели помогают лучше понять реальные явления в современном потребительском банкротстве¹⁶ и будут использоваться для дальнейшего анализа социальной изоляции в европейских системах потребительского банкротства.

---

¹⁶ См., напр., мою диссертацию и работу «Разнообразие видов освобождения потребителей от долгов: классификация систем личного банкротства в пятнадцати развитых экономических системах».

5. СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СИСТЕМАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО БАНКРОТСТВА

Два соображения, приведенные при классификации, имеют особенное значение. Во-первых, новые западноевропейские системы потребительского банкротства значительно отличаются от «зрелых» англо-саксонских систем. Во-вторых, в Западной Европе можно выделить два подхода к потребительскому банкротству: (1) *модель ответственности* в Австрии и Германии, которая подчеркивает ответственность должника за уплату долга, и (2) *модель милосердия* в Бельгии, Франции, Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции, которая позволяет уполномоченным в сфере банкротства органам определить, заслуживает ли должник доступа к процедуре освобождения от долгов, и установить направление, сроки и результат процедуры потребительского банкротства.

В этом разделе обосновывается позиция, согласно которой обе европейские системы потребительского банкротства не допускают значительную часть несостоятельных граждан к процедуре освобождения от долгов, но эти системы различаются по их нормативным основаниям, механизмам отказа в допуске и типам не допускаемых к процедуре должников. Кратко говоря, «германская» *модель ответственности* основана на (сомнительном) экономическом и моральном понимании потребительского банкротства, которое не допускает к процедуре большинство долж-

ников категории NINA посредством установления продолжительных периодов платежей, избыточных издержек, а также обязанностей должника по обучению и определенному поведению. Напротив, франко-скандинавская *модель милосердия* основана на социально-политическом представлении о потребительском банкротстве, исключаящем для должников, которые не кажутся «в достаточной мере заслуживающими» освобождения от долгов, возможности прибегнуть к этой процедуре посредством строгого ограничения доступа, «настраиваемым» процедурам и широким дискреционным полномочиям государственных органов. В результате обе европейские системы потребительского банкротства сталкиваются с серьезными проблемами не только в части экономической эффективности, но и в категориях морали и справедливости.

Обоснование этой позиции построено на рассмотрении двух ситуаций, представляющих каждую из европейских моделей освобождения граждан от долгов. Рассмотрение индивидуальных ситуаций позволяет показать механизмы изоляции более подробно, чем общий анализ всех систем потребительского банкротства в рамках этой модели. Сначала австрийская система потребительского банкротства рассматривается как пример «германской» *модели ответственности*, затем шведская — как пример «франко-скандинавской» *модели милосердия*. Анализ каждой ситуации структурирован следующим образом. Сперва обосновывается выбор страны,

затем дается описание истории и современного состояния законодательства о потребительском банкротстве, после этого рассматриваются механизмы, не допускающие граждан к процедурам потребительского банкротства, и в завершение определяется, в какой степени полученные выводы могут быть применимы к системам потребительского банкротства других стран в рамках этой модели¹⁷.

1. «Германская» модель ответственности. Потребительское банкротство в Австрии

И австрийская, и германская системы потребительского банкротства основаны на модели ответственности, которая подчеркивает ответственность должника за уплату долгов (см. раздел 4), но австрийская система лучше подходит для рассмотрения по двум причинам: в ней более четко прослеживаются нормативные основания модели ответственности, и она не допускает большее количество несостоятельных граждан к процедуре освобождения от долгов.

Австрийский законодатель включил положения об освобождении потребителей от долгов в Закон о банкротстве (Konkursordnung) в 1993 году, и они вступили в силу в 1995 году. В 1997, 2002 и 2006 годах в закон вносились незначитель-

ные поправки, а в 2010 году одновременно с реформой правил о банкротстве юридических лиц вступили в силу значительные изменения в части терминологии, включая даже изменение самого названия закона на Bundesgesetz über das Insolvenzverfahren (Insolvenzordnung), но основы регулирования потребительского банкротства не были затронуты. На протяжении ряда лет законодатель анонсировал реформу, которая позволит получать преимущество от более раннего погашения задолженности и даст возможность большей гибкости при рассмотрении сложных дел, однако соответствующий законопроект еще не представлен.

Освобождение потребителей от долгов — часть общего закона о несостоятельности, при этом оно регулируется отдельными главами закона. Процедура потребительского банкротства включает следующие последовательные этапы: реализация имущества должника (Insolvenz- und Schuldenregulierungsverfahren), план платежей, предложенный должником и одобренный большинством кредиторов (Zahlungsplan) и освобождение от долгов (Abschöpfungsverfahren mit Restschuldbefreiung). На последнем этапе должник освобождается от обязательств, если на предыдущих этапах не удалось согласовать урегулирование долгов. Еще одно обоснование выделения нескольких процедур состоит в том, чтобы дать владельцам небольших бизнесов возможность освободиться от долгов после ликвидации их бизнеса по общим правилам о несостоятельности.

¹⁷ Для системного и детального сравнения пятнадцати систем потребительского банкротства см. мою работу «Правила и практика потребительского банкротства и освобождение от долгов: сравнение и классификация систем личного банкротства в пятнадцати экономически развитых странах» (<https://doi.org/10.26092/elib/454>).

С самого начала закон обязывает тех должников, активов которых недостаточно для оплаты расходов на процедуру потребительского банкротства, провести переговоры с кредиторами о внесудебном урегулировании задолженности, однако вместо этого можно получить свидетельство о бесперспективности переговоров. Такие свидетельства обычно выдаются агентствами, занимающимися консультированием по вопросам урегулирования долгов; они существуют во всех регионах и оказывают должникам услуги бесплатно. Если у должника есть достаточные активы или он может доказать, что в состоянии оплатить процедуру потребительского банкротства, процедура возбуждается незамедлительно соответствующим судом (Bezirksgericht). Формально первый шаг — план реструктуризации долгов (Sanierungsplan), который требует, чтобы должник заплатил как минимум 20% долгов в течение пяти лет, и его должно одобрить большинство кредиторов. Он происходит из института предпринимательского банкротства и почти никогда не применяется в потребительском банкротстве. Поэтому на практике потребительское банкротство начинается с реализации имущества должника, за которой следует процедура платежей в соответствии с планом (Zahlungsplan), который обязывает должника предложить кредиторам сумму, соответствующую как минимум его (предполагаемому) доходу, не подлежащему изъятиям, за следующие пять лет; срок реализации плана может быть до семи лет. Если с планом соглас-

но большинство кредиторов (и по их количеству, и по сумме требований) и план удастся реализовать, то должник освобождается от оставшихся долгов. Фактически, большинство должников достигает такого частично добровольного соглашения об урегулировании.

Если предложение должника по плану платежей отвергнуто, начинается последний этап процедуры. Во время этой «процедуры выкачивания» (Abschöpfungsverfahren) должник передает не подлежащие изъятиям доходы за семь лет доверительному управляющему (trustee), который ежегодно осуществляет выплаты кредиторам. Возможные изъятия из доходов регулируются законодательством об исполнительном производстве, и они достаточно низкие. К поведению должника в этот период предъявляется ряд требований (искать и сохранять работу, не брать займы). Продолжительность всей процедуры зависит главным образом от возможностей должника по осуществлению платежей; стандартная семилетняя процедура может быть сокращена до трех лет или продлена до семи лет; есть также обязательные требования к минимальному размеру платежей (см. ниже). Если должник выполнил все финансовые условия и требования к поведению, он получает освобождение от долгов (Restschuldbefreiung), которое прекращает все обязательства, кроме штрафов, обязательств из намеренного причинения вреда и требований, не заявленных по вине должника. После освобождения от долгов (или отказа в освобождении) должник не может воспользоваться

процедурой освобождения от долгов в течение 20 лет. Число дел о потребительском банкротстве постоянно возрастало с 912 в 1995 году до 3 456 в 2000 году, до 6 460 в 2005 году и до 10 266 в 2010 году. В 2012 году было подано 10 557 заявлений, из которых по 1 034 (9,8%) было отказано ввиду отсутствия активов (обзор австрийской системы потребительского банкротства см.: Kilborn, 2007, Schneider, 2010).

Австрийский режим потребительского банкротства использует следующие механизмы для ограничения доступа перекредитованных домохозяйств к процедуре освобождения от долгов¹⁸. Первое — должники обязаны платить за процедуру освобождения от долгов. В действительности, эта черта является общей для *рыночной модели* (США) и *модели ответственности* (Германия), что свидетельствует о восприятии освобождения потребителей от долгов как экономического, а не публичного явления. Тем не менее разница этих двух подходов состоит в том, что освобождение от долгов в *рыночной модели* происходит быстро и дешево¹⁹, в то вре-

¹⁸ Фокус здесь делается на наиболее важных механизмах; правила в отношении преступного поведения не рассматриваются.

¹⁹ По крайней мере, теоретически. В США должники обязаны уплатить за процедуру по Главе 7 (реализация имущества) 306 USD, за процедуру по Главе 13 (план платежей) — 281 USD (по состоянию на май 2013 года), но в сложных случаях эти платы могут быть списаны. Основные расходы в системах освобождения от долгов США и Канады приходятся на подготовку заявления об освобождении от долгов юристами (в США) или доверительными управляющими /trustees/ (в Канаде). Также в обеих странах частичное отклонение от рыночной модели в форме обязательств по определенному поведению должников (консультирование в сфере долгов, уроки финансовой грамотности) повысило расходы на освобождение от долгов.

мя как в «германской» модели стоимость процедуры потребительского банкротства значительно выше из-за необходимости администрирования многолетнего периода платежей и соблюдения должником обязанностей по определенному поведению. Практические исследования единодушно показывают, что у большинства несостоятельных должников есть лишь небольшие активы и невысокие доходы, поэтому требование заплатить несколько тысяч евро является для таких должников чрезмерным бременем²⁰. Австрийский законодатель осознал эту проблему и реагировал на нее решением частично администрировать процедуру банкротства самостоятельно, чтобы сократить расходы, но это не решает общей проблемы существенных издержек на ведение процедуры банкротства, которые вынуждены нести должники.

Еще один механизм, посредством которого перекредитованные домохозяйства не допускаются к освобождению от долгов, — это обязанности должника по обучению и определенному поведению в течение процедуры освобождения от долгов. Например, австрийское законодательство о потребительском банкротстве обязывает должников искать и сохранять любую приемлемую работу и запрещает должникам брать займы в течение периода осуществления платежей. Общую направленность этого периода можно проиллюстрировать обиходным немецким словом *Wohlverhaltensperiode* (период хорошего поведения). О частном случае такой нормативной

²⁰ В Австрии и Германии платы/расходы за процедуру освобождения от долгов обычно не менее 2 000 евро.

направленности свидетельствует существо обязанности проводить переговоры с кредиторами о внесудебном урегулировании задолженности до подачи заявления об освобождении от долгов. Закон требует, чтобы должники пользовались консультациями по урегулированию долгов для ведения переговоров с кредиторами, и дает право консультационным агентствам удостоверять неудачу (или бесперспективность) таких переговоров. Так консультирование по вопросам долгов неявно интегрируется в процесс подготовки к процедуре освобождения от долгов. Это может показаться разумным, так как консультирование помогает гражданам управлять их финансами и снижать чрезмерно высокую долговую нагрузку. Тем не менее закон требует совершения попыток внесудебного урегулирования долгов только от тех должников, активы которых недостаточны для оплаты процедуры освобождения от долгов. Это не только парадоксально само по себе — требовать проведения переговоров от тех должников, у которых нет денег даже на оплату процедуры, не говоря уже о деньгах на выплаты кредиторам, — но и создает представление, что такие должники особенно нуждаются в консультировании и обучении. Иными словами, это требование основано на сомнительном предположении, что отсутствие активов — следствие недостаточной компетентности в финансовой сфере.

Иэн Рэмси (Iain Ramsay) утверждал, что эти попытки «научить» должников «надлежащему кредитному поведению» свидетельствуют о пере-

осмыслении традиционной концепции о неплатежеспособных должниках как отклоняющихся от нормы: «Эта «перевоспитывающая» модель банкротства сохраняет представление о должнике как правонарушителе, но банкротство дает возможность должнику изменить свое поведение благодаря вмешательству консультантов в сфере урегулирования долгов» (Ramsay, 1997, p. 271). Типология, представленная в разделе 4, позволяет на основании этого соображения объяснить значительные различия между «германской» моделью ответственности и «английской» моделью ограничений. В целом обе системы рассматривают дефолт должника как девиантное поведение, но модель ответственности, определяющая содержание австрийского и германского законодательства об освобождении потребителей от долгов, делает это в экономическом контексте, чему соответствует консультирование по вопросам долгов, обязанности должника по определенному поведению и чрезмерное финансовое обременение должников категории NINA. Напротив, модель ограничений, определяющая характер правил о потребительском банкротстве в Англии/Уэльсе, Шотландии, Австралии и Новой Зеландии, рассматривает предполагаемое отклонение поведения должника от нормы как нарушение общественного порядка и социальных норм, и этому соответствуют различные (политические, экономические и гражданские) ограничения и возможности дисквалификации должника. Таким образом, эти два варианта понимания дефолта как отклонения

от нормы отличаются, исходя из их отправной точки, — экономическая сфера в *модели ответственности*, публичный порядок в *модели ограничений* — и, соответственно, характером правового регулирования²¹.

В то же время основной механизм, не допускающий неплатежеспособных граждан к возможности “fresh start”, — это организация платежного периода. Австрийская система потребительского банкротства не только устанавливает самый длинный период платежей среди всех систем освобождения от долгов (семь лет в качестве стандартного варианта), но еще и отличается двумя особенностями. С одной стороны, австрийская система — в противоположность многим другим системам потребительского банкротства — не позволяет сократить этот период для должников категории NINA (даже для тех, кто с высокой вероятностью не сможет зарабатывать в будущем ввиду болезни или ухода на пенсию). С другой стороны, австрийское законодательство о потребительском банкротстве даже продлевает период платежей для должников категории NINA, требуя определенных минимальных платежей для любых должников. Если должники не смогут оплатить издержки на процедуру потребительского банкротства и хотя бы десять процентов требований кредиторов в течение семи лет, период пла-

²¹ *Еще одно проявление этого различия в том, что по германскому законодательству о потребительском банкротстве только кредиторы (а не государственные уполномоченные органы) могут предъявлять возражение в отношении списания долгов, в то время как по английскому праву — только уполномоченные в сфере банкротства органы.*

тежей продлевается до десяти лет. После десяти лет те должники, которые и в этот срок не смогли заплатить необходимый минимум (расходы на процедуру и десять процентов требований кредиторов), получают освобождение от долгов «на началах справедливости»; это обычно означает, что освобождение предоставляется, если размер осуществленных ими платежей лишь немногим меньше предусмотренного минимума. Требование существенного минимального платежа в пользу кредиторов для освобождения от долгов — уникальное среди всех систем потребительского банкротства — на практике означает, что малоимущие должники вообще не получают доступа к возможности “fresh start”. (Напротив, должники, которые оплачивают издержки на процедуру потребительского банкротства и как минимум пятьдесят процентов требований кредиторов в течение трех лет, получают «досрочное» освобождение от долгов; это ускорение для могущих заплатить должников также является уникальным.)

Очевидно, что эти механизмы — продолжительный период платежей, обязательства по обучению и определенному поведению и обременительные расходы, особенно минимальный размер платежей для освобождения от долгов, не допускают перекредитованные домохозяйства к возможности “fresh start”. Однако количество таких домохозяйств сложно оценить, так как эти механизмы в основном призваны удерживать должников от подачи заявления об освобождении от долгов. Тем не менее три обстоятельства свидетельствуют

о том, что социальная изоляция перекредитованных домохозяйств — общая проблема для австрийской системы потребительского банкротства. Во-первых, консультанты по урегулированию долгов отмечают, что многие должники воздерживаются от подачи заявления об освобождении от долгов, зная, что будут не в состоянии оплатить издержки на процедуру и десять процентов требований кредиторов (ASB Schuldnerberatungen GmbH, 2004, 2012). Во-вторых, статистика консультантов по урегулированию долгов показывает, что лишь незначительное меньшинство должников обращается с заявлениями об освобождении от долгов (ASB Schuldnerberatungen GmbH, 2012), что расходится с практикой других стран, где консультирование в сфере задолженности отчасти стало лишь промежуточной остановкой на пути к освобождению от долгов (Heuer, 2008). В-третьих, — и это наиболее важно — данные из других систем потребительского банкротства показывают, что обычно по крайней мере 80% должников платят меньше, чем десять процентов от общего размера требований кредиторов (для Германии см. Heuer et al., 2005; Lechner, Backert, 2007). Из этого следует, что большинство перекредитованных домохозяйств в Австрии, которые могли бы подать заявление об освобождении от долгов, не получают возможности “fresh start”, поскольку у них нет

финансовой возможности заплатить необходимый минимум за освобождение²².

Чтобы оправдать австрийский подход к потребительскому банкротству, можно было бы возразить, что эти механизмы — особенно требование к минимальному размеру платежей в пользу кредиторов — «стимулируют» должников зарабатывать больше для своих кредиторов (что снижает и уровень дефолта, и процентную ставку по кредиту). Однако это не только противоречит экономической оценке банкротства, которая предполагает, что цель распределения имущества и доходов должника между кредиторами не в том, чтобы заплатить кредиторам, а в том, чтобы снять «моральный риск»²³, но и создает сомнительные

²² Поэтому крупнейшая австрийская ассоциация кредиторов подливает масла в огонь, заявляя об успешности австрийской системы потребительского банкротства, так как она создает высокий уровень возврата задолженности для кредиторов, в то время как в других странах личное банкротство практически не приносит платежей (Kreditschutzverband von 1870 (KSV1870) 2013, p. 2) — это, по существу, признание того, что большинство имеющих задолженность домохозяйств в Австрии не получают доступа к возможности “fresh start”.

²³ См. Hallinan, 1986, p. 140ff.: «Как минимум в отношении договорной ответственности освобождение от долгов [в потребительском банкротстве] — результат предварительного обмена, в котором, если не было мошенничества, риски неуплаты были уже учтены. В этом контексте моральные основания требований кредитора довольно сомнительны. Скорее, чем имеющим моральное право на получение платежа, его можно признать уже получившим такой платеж. [...] Требование, чтобы должник передал некоторые активы кредиторам — важное средство контроля моральных рисков. В той степени, в которой эта форма издержек должника позволяет получить деньги кредиторам, здесь существуют явные преимущества и в части распределения активов... [но] то, что имеет значение, — обременение издержками должника, а не осуществление платежей в пользу кредиторов».

стимулы, так как должники могут использовать весь доступный заработок для уплаты необходимого для освобождения от долгов минимума и при этом сократить свои расходы до уровня, угрожающего их здоровью и благосостоянию. (Также, предлагая «ускоренное» освобождение от долгов способным платить должникам, австрийская система «стимулирует» платежеспособных должников злоупотреблять процедурой банкротства.) Наконец, требование платежа за освобождение от долгов мотивирует кредиторов предоставлять займы бедным должникам и должникам категории NINA, зная, что те никогда не смогут освободиться от долгов и останутся в «кредитной зависимости» (cf. Mann, 2007).

Подводя итоги: основанная на экономически (и этически) сомнительном стремлении обязать платить по долгам даже безнадежно перекредитованных граждан австрийская система потребительского банкротства не допускает большинство должников категории NINA к освобождению посредством продолжительных периодов платежей, чрезмерных издержек, обязанностей по обучению и определенному поведению. Статистика других стран показывает, что это затрагивает значительную долю закредитованных домохозяйств, так как обычно как минимум 80% несостоятельных должников относится к категории NINA.

Система потребительского банкротства в Германии имеет много общих черт с австрийской, но отличается в одном существенном аспекте: она допускает освобождение и тех должников, кото-

рые не могут ничего заплатить. На это нацелены два правила. Первое — германская система не обуславливает освобождение от долгов внесением минимальных платежей в пользу кредиторов. И второе — с 2001 года расходы должника на процедуру освобождения от долгов, которые являются главным препятствием на пути к освобождению, могут быть сначала отложены, а потом и списаны (через четыре года после освобождения, то есть через десять лет после начала процедуры освобождения от долгов). Вероятно, эти правила существенно снизили степень социальной изоляции перекредитованных домохозяйств в Германии. В то же время германская система потребительского банкротства сохраняет другие черты *модели ответственности* (например, длительный период платежей, обязанности по обучению и определенному поведению), и эта непоследовательность имеет свою цену. Более 80% дел о потребительском банкротстве в Германии создают высокие издержки для бюджета (из-за необходимости администрировать продолжительные и сложные процедуры), но не приводят к платежам со стороны должников. Так, отказываясь признать, что большинство закредитованных домохозяйств просто не в состоянии платить, «германская» *модель ответственности* в потребительском банкротстве либо вызывает социальную изоляцию

(как в Австрии), либо показывает неэффективность (как в Германии)²⁴.

2. «Франко-скандинавская» модель милосердия.

Потребительское банкротство в Швеции

Модель милосердия в потребительском банкротстве представлена «франко-скандинавскими» системами Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Нидерландов и Швеции (см. раздел 4). Шведская система освобождения от долгов рассматривается здесь в качестве примера этой модели по следующей причине: она может указать направление, по которому двигаются все эти системы. В 2006–2007 годах в Швеции были проведены масштабные реформы, получившие высокую оценку (Kilborn, 2010). Чтобы обозначить направление изменений, в дальнейшем изложении будет сравниваться ситуация в Швеции до и после реформ. Будут также ссылки на другие системы этой модели, чтобы показать, что, несмотря на сходные нормативные основания, правовое регулирование и практика отличаются здесь сильнее, чем в «германской» модели.

Швеция была одной из первых стран, не относящихся к англо-саксонской правовой семье,

²⁴ *В мае 2013 года германский законодатель воспринял австрийскую идею вознаграждения могущих платить должников, допустив «досрочное» списание долгов через три года для тех должников, которые заплатили хотя бы 35% общего размера требований, и списание долгов через пять лет для должников, которые хотя бы оплатили расходы на процедуру; иные должники по-прежнему получают списание долгов через шесть лет. Тем не менее это не решает общих проблем данной модели.*

которая приняла правила об освобождении потребителей от обязательств, но среди скандинавских стран она считается «опоздавшей»: в Дании закон о потребительском банкротстве был принят в 1984 году, в Норвегии в 1992–1993 годах, в Финляндии в 1993 году. Швеция последовала за этими странами в 1994 году, хотя шведский парламент начал рассматривать проект об освобождении потребителей от долгов еще в 1986 году. В 1988 году была сформирована правительственная комиссия, одной из задач которой являлось изучение возможности освобождения потребителей от долгов. В 1990 году комиссия подготовила отчет с предложением юридической схемы освобождения от долгов, но министр юстиции нового правящего правительства, сформированного в 1991 году, не решался отказаться от принципа *pacta sunt servanda* и не предпринимал решительных шагов. Однако шведский «долговой кризис» начала 90-х годов, включивший в себя крах рынка недвижимости, значительный экономический спад и высокий уровень безработицы, повысил потребность в освобождении от долгов, и под политическим давлением правительство было вынуждено внести законопроект, который был принят в мае 1994 года и вступил в силу 01 июля 1994 года.

Шведский *Skuldsaneringslag* (закон об освобождении от долгов), как и законы об освобождении потребителей от долгов других франко-скандинавских систем, не входит в состав общего закона о банкротстве или закона о бан-

кротстве юридических лиц. Закон изначально предусматривал трехэтапную процедуру, включающую (1) обязательную, но не детализированную процедуру внесудебного урегулирования, которая опционально может быть поддержана консультантами в сфере урегулирования долгов; (2) после допуска должника к процедуре — новая попытка урегулирования долгов, на этот раз под эгидой специального правоприменительного органа (Kronofogdemyndigheten; KFM); (3) предоставление освобождения судом. При этом оценка системы потребительского банкротства, проведенная в начале 2000-х годов, показала чрезмерную усложненность процедуры освобождения от долгов и порекомендовала упорядочить ее, отказавшись от первого (обязательной попытки внесудебного урегулирования) и последнего (предоставление освобождения от долгов судом) этапов, оставив только основную процедуру урегулирования долгов под контролем KFM. Основываясь на этой рекомендации, новый закон (под тем же названием) был принят в 2006 году и заменил прежний закон с 01 января 2007 года. В дальнейшем в закон вносились незначительные изменения, последнее на настоящий момент изменения 2011 года устанавливали, что должники-предприниматели в сфере малого бизнеса получают освобождение от долгов в более простом порядке, и отменяли один из ограничительных критериев доступа при начале процедуры освобождения от долгов (см. ниже).

Действующий Skuldsaneringslag интересен по двум причинам. Во-первых, Швеция стала первой страной, отменившей обязательные внесудебные переговоры об урегулировании долгов, которые предусмотрены законодательством о потребительском банкротстве большинства западноевропейских стран и приносят в основном расходы и затягивание сроков, но не урегулирование. Хотя по действующему закону должники вправе проводить такие внесудебные переговоры с кредиторами и получать консультационные услуги в сфере долгов, которые должны быть оказаны бесплатно на муниципальном уровне, — это больше не является обязательным условием допуска к процедуре. Во-вторых, Швеция первой из всех стран минимизировала участие судебных органов. Изначально, если кредиторы отвергли предложенный KFM план платежей, то дело передавалось в соответствующий суд. Кредиторы использовали это «право автоматического обжалования» по любой причине или без видимых причин, а суды в 90–95% случаев одобряли план, предложенный KFM. Чтобы избежать перегрузки судов, возникавшей из-за необоснованного противодействия кредиторов, действующий закон предоставил KFM право предлагать обязательный для кредиторов план. Опасения, связанные с таким предоставлением исполнительному органу права лишать кредиторов вещных и обязательственных прав, были сняты предоставлением кредиторам (и должнику) права обращаться в суд

при несогласии с предложенным KFM планом при наличии существенных оснований.

Дело о потребительском банкротстве по действующему закону проходит следующим образом. Должник подает заявление об освобождении от долгов в KFM, кредиторы не вправе этого делать. Затем KFM проводит проверку возможности доступа (access screening) и решает вопрос о допуске должника к процедуре. Такая проверка осуществляется на соответствие двум широко сформулированным требованиям. Первое — «подтвержденная несостоятельность»; это означает, что невозможность исполнения должником обязательства продолжится «в обозримом будущем». В то же время периодически ведутся споры о том, как далеко необходимо прогнозировать это будущее. Кроме того, Верховный Суд пересмотрел дела, в которых с использованием неявного критерия минимального размера долгов было отказано в допуске к процедуре «недостаточно перекредитованным» гражданам. Второе требование — и наибольшая сложность для должника, что его финансовые и личные обстоятельства должны указывать на «обоснованность» (skäligt) возможности его освобождения от долгов. Несмотря на предложения поменять эту формулировку на обратную, то есть доступ гарантируется, если не доказана необоснованность, — бремя доказывания по-прежнему остается на кредиторе. При определении «обоснованности» учитываются три аспекта: обстоятельства, при которых возникли проблемы с долгом; какие попытки должник

предпринимал для выполнения обязательств; уровень сотрудничества, показанный должником при подаче заявления. От четвертого аспекта отказались при внесении последних изменений в 2011 году: это «возраст» долга, который на практике предполагал, что должник обязан прожить много лет с долговыми проблемами до того, как доступ его к процедуре освобождения от долгов мог быть признан «обоснованным». В дополнение к этим двум требованиям — «подтвержденная несостоятельность» и «обоснованность» — законодательство устанавливает, что в доступе должно быть отказано тем должникам, которые уже получали освобождение от долгов в предыдущей процедуре; возможность начать заново финансовую жизнь (“fresh start”) предоставляется лишь один раз.

Открытие процедуры приостанавливает взыскание долгов в индивидуальном порядке. KFM публикует сообщение о введении процедуры, и кредиторы заявляют свои требования. Расходы на процедуру возмещаются за общественный счет, а не за счет должника или конкурсной массы. Требование «обоснованности», которое предъявляется при допуске к процедуре, в частности, оценка попыток должника выполнить свои обязательства, косвенно предполагает, что должник отдает (свободные от удержаний) активы до подачи заявления, поэтому предложенный KFM план платежей обычно предполагает лишь распределение его доходов. Первый закон об освобождении от долгов 1994 года давал KFM право самостоятельно определять срок периода платежей и уровень изъятий

из доходов гражданина, в результате сформировалась практика пятилетних планов с низким уровнем изъятий, которая была частично закреплена в новом законе; тем не менее, при определенных обстоятельствах допускаются и более краткие планы. Закон предполагает обязательность плана для кредиторов и должника, возражения на план могут быть поданы в судебном порядке. Заявления об изменении плана платежей ввиду изменения экономического положения должника подаются в KFM, которое принимает по ним решения. Во время периода платежей должник несет ответственность за надлежащее осуществление выплат кредиторам. После этого оставшиеся долги списываются, за исключением алиментов. Судьба кредитов на образование рассматривается в каждом отдельном случае. С 1997 по 2006 год количество заявлений об освобождении от долгов было примерно одинаковым, от 3 200 до 3 800 в год с небольшим пиком в 2005 году. Вступление в силу нового закона привело к увеличению количества подаваемых заявлений, и в 2012 году в KFM было подано 9 062 заявления. В то же время высока доля должников, получающих отказ в освобождении от долгов; в 2012 году она составила 38,3% (3 080 отказов из 7 520 рассмотренных дел (отличный обзор шведской системы потребительского банкротства см.: Kilborn, 2006b)).

Как шведские должники изолируются от возможности “fresh start” по шведскому законодательству об освобождении от долгов? В целом шведский режим потребительского банкротства

разделяет с другими франко-скандинавскими системами представление об освобождении от долгов как о мере социальной политики: «цели регулирования не являются рыночными, а относятся к защите от социальных рисков (Niemi-Kiesiläinen, 2003, p. 49).

Это представление не только отражено в истории шведского законодательства, но также может быть проиллюстрировано его некоторыми современными характеристиками. Например, регулирование потребительского банкротства вне общего законодательства о несостоятельности показывает, что законодатель рассматривает долговые проблемы домохозяйств вне связи с финансовыми проблемами корпораций. Второе — закон рассчитан именно на потребителей, и владельцы даже небольших бизнесов допускаются к процедуре лишь при наличии особых обстоятельств. Третье — законодательство позволяет подавать заявления только должникам, а не кредиторам, что немисливо для традиционного права банкротства (см. раздел 1). Четвертое — все расходы на потребительское банкротство производятся за общественный счет; это показывает, что освобождение от долгов — дело общественной важности. Пятое — процедура проводится органом исполнительной, а не судебной власти, что предполагает менее конфликтное содержание процедуры. И шестое, пожизненный запрет для освобожденных должников на участие в новой процедуре предполагает, что новый выход должника на рынок кредитования не считается

ни необходимым, ни желательным. Эти и другие свойства указывают на понимание потребительского банкротства как регулирующего отношения между гражданами и государством (всеобщего благосостояния), а не между должником и кредиторами (Niemi-Kiesiläinen, 1999, 2003).

То соображение, что шведское законодательство о потребительском банкротстве основано на требованиях социальной политики, оставляет некоторых наблюдателей в недоумении — почему так много должников не получают освобождения от долгов (доступа к процедуре освобождения)²⁵. Тем не менее при дальнейшем рассмотрении будет видно, что такая изоляция должников не случайна, а является подходом социальной политики к потребительскому банкротству: главные механизмы изоляции во «франко-скандинавских» системах освобождения от долгов обусловлены тем фактом, что эти системы подражают государству всеобщего благосостояния, принимая в качестве отправной точки потребности и возможности должника.

Один механизм изоляции — это фокусирование на нуждах должника, поскольку это закрывает доступ к процедуре для тех несостоятельных граждан, которые признаны «недостаточно нуж-

дающимися». В Швеции этот механизм представлен двумя условиями, которыми руководствуется KFM при расследовании личных и экономических обстоятельств должника перед предоставлением доступа к процедуре.

Первое условие — «подтвержденная несостоятельность» — добавляет субъективный элемент к общим требованиям: ожидается, что несостоятельность должника продлится «в обозримом будущем». Возникают два вопроса: насколько далеко нужно прогнозировать и какие обстоятельства нужно прогнозировать? «Обозримое будущее» включает как минимум пять лет (комментаторы говорят о «постоянной несостоятельности», но это не решает проблемы), а KFM устанавливает, что допуск к процедуре дается на основе уровня задолженности, текущего и будущего заработка, образования, рода занятий, возраста, риска заболеваний и безработицы. В то же время этот широкий перечень критериев дает возможности для отказа в допуске по различным основаниям, так как часто будет существовать теоретическая возможность того, что ситуация должника улучшится.

Еще более обременительно для должника второе требование, согласно которому личные и экономические обстоятельства должника должны указывать, что предоставление ему освобождения от долгов является «обоснованным» (skäligt); при этом бремя доказывания лежит на должнике. Закон выделяет три фактора, которые нужно учесть при этом доказывании, — обстоятельства

²⁵ См. Niemi-Kiesiläinen, 2003, p. 54: «В скандинавском законодательстве об освобождении от долгов и в доктрине, как ни парадоксально, задолженность в большей степени воспринимается в социальном контексте, чем где-либо, но, в то же время, регулирование доступа к освобождению от долгов выражает моральный консерватизм. Напротив, на континенте к вопросам задолженности подходят больше в индивидуальном контексте, но регулирование, тем не менее, является более открытым».

возникновения долга, предыдущие попытки должника исполнить обязательства, поведение должника в связи с подачей заявления об освобождении от долгов, но нет дальнейшего критерия, которым мог бы руководствоваться должник, чтобы показать, что он «заслуживает» освобождения (за исключением неявного требования реализации всего не подлежащего изъятиям имущества до подачи заявления).

Другие системы потребительского банкротства этой модели также используют такие «непрозрачные» требования (Kilborn, 2006b, p. 445). Например, законодательство Норвегии требует, что освобождение от долгов не должно быть «причиняющим вред» (*støtende*) другим должникам или обществу в целом, и отмечает несколько факторов, которые нужно принять в расчет, принимая такое решение. По существу, эти требования — «моральные защитительные положения» (Graver, 1997), которые демонстрируют понимание освобождения от долгов не как юридического права, но как акта милосердия, поскольку они превращают должника «в клиента с определенными нуждами, а не в гражданина, обладающего правами» (Ramsay, 1997, p. 271).

Движущая сила этой заботы о нуждах должника — понимание потребительского банкротства как элемента государства благосостояния: если цель регулирования состоит в защите граждан от социальных рисков, то «естественно предоставить доступ к урегулированию задолженности только тем должникам, которые были задеты

социальными рисками, одинаковыми с теми, от которых обычно защищает граждан государство всеобщего благосостояния: это безработица, болезнь, внезапная утрата трудоспособности» (Niemi-Kiesiläinen, 1999, p. 482). Это понимание освобождения от долгов отражено в доктрине Томаса Вильгельмсона о «социальном форс-мажоре», согласно которой перекредитованный гражданин может получить освобождение, когда с ним произошло особое событие, изменившее ситуацию не в его пользу и которое он не мог предвидеть или предотвратить» (Wilhelmsson, 1990, p. 7). Влияние этой парадигмы особенно очевидно в финском законодательстве о банкротстве, которое прямо говорит, что основная причина («подтвержденной») несостоятельности должника должна состоять в «существенном упадке его платежеспособности, произошедшем ввиду болезни, утраты трудоспособности, безработицы или иного изменения обстоятельств, основной причиной которого не была вина должника» (*Laki yksityishenkilön velkajärjestelystä*, неофициальный перевод).

На практике такое фокусирование на нуждах должника и оценке того, заслуживает ли он освобождения, имеет два рода последствий. Во-первых, чтобы определить нужды должника, необходимо предоставить уполномоченным в сфере банкротства органам возможность проверять личные и экономические обстоятельства каждого должника в индивидуальном порядке, таким образом, во всех «франко-скандинавских» системах потребительского банкротства есть определенные

формы индивидуальной оценки допуска в самом начале процедуры (даже несмотря на то, что эти формы менее строги во Франции и в Бельгии, чем в скандинавских странах). Во-вторых, определение обстоятельств, причин и поводов перекредитованности имеет субъективный характер (Heuer, 2009, p. 33ff.), и, таким образом, предоставление должникам доступа к процедуре освобождения, если они «заслуживают» этого, приводит к произвольным решениям, региональным различиям и высоким общим уровням отказов, — и это явление действительно очень вредит системам потребительского банкротства этой модели (см. ниже).

Второй механизм, не позволяющий должникам освободиться от долгов, обусловлен тем, что данные системы потребительского банкротства фокусируются на возможностях должников, и некоторые проблемы этого механизма одинаковы с проблемами определения «нужд» должников. В то же время фокусирование на «нуждах» относится к вопросу о том, кто допущен к процедуре, а фокусирование на возможностях связано, главным образом, с оформлением процедуры, потому что оно подразумевает, что процедура должна «подстраиваться» под разные возможности. В Швеции примером этого являются правила, позволяющие уполномоченным лицам в банкротстве определять различные аспекты процедуры. В частности, законодательство устанавливает, что период платежей должен составлять пять лет, но оно позволяет KFM сократить его по «веским причинам» (в основном относящимся к очевид-

ной неспособности должника осуществлять платежи). Законодательство также требует, чтобы платежи кредиторам и уровень изъятий из доходов регулировались процессуальными нормами о вычетах из заработной платы, но оно позволяет KFM отступать от этих правил. Наконец, закон позволяет KFM определять масштаб “fresh start”, решая, какие исключения будут сделаны при освобождении от долгов. Эти дискреционные полномочия — не уникальная черта шведской системы; фактически, все франко-скандинавские системы потребительского банкротства позволяют уполномоченным органам адаптировать различные аспекты процедуры освобождения от долгов к возможностям должников. Яркий пример этого подхода — датская система, где уполномоченные органы в сфере банкротства, по сути, определяют все аспекты освобождения от долгов, включая продолжительность процедуры, условия освобождения и его ограничения²⁶.

Еще одно проявление этого механизма существует во французском законодательстве о потребительском банкротстве, так как во Франции создано несколько различных процедур для раз-

²⁶ *Эти широкие дискреционные полномочия уполномоченных органов в сфере банкротства в датской системе освобождения от долгов могут быть обусловлены ранним принятием закона: Дания была первой страной, в которой были предусмотрены правила потребительского банкротства, после «традиционных» англо-саксонских систем личного банкротства, и поскольку датский законодатель отказался от американского подхода «щедро» предоставления освобождения от долгов как от ведущего к слишком серьезным последствиям, решение было найдено в предоставлении широкой дискреции соответствующим государственным органам.*

ных типов должников. Это разнообразие процедур может не быть результатом сознательного решения (поскольку законодатель добавлял процедуру за процедурой более двух десятилетий), но оно определяет направление и результат процедур освобождения от долгов. Должники подают заявления в региональную Комиссию по рассмотрению чрезмерной задолженности физических лиц (*Commission de surendettement des particuliers*), включающую представителей различных организаций, и Комиссия изучает ситуацию должника и определяет общее направление процедуры. Первый закон о чрезмерной задолженности 1989–1990 годов допустил возможность одобрения планов реструктуризации (*Conciliation et plan conventionnel de redressement*), но эти добровольные многолетние планы платежей обычно были продолжительными, содержали чрезмерные требования и редко приводили к существенному и долгосрочному облегчению долговой ситуации. Поэтому в 1998–1999 годах законодатель предоставил Комиссиям право рекомендовать, а судам утверждать «экстраординарные меры» освобождения, включая списание долгов (*Procédure des mesures imposées ou recommandées*). В то же время, поскольку планы платежей в этих процедурах редко приносили деньги, в 2003–2004 годах была создана процедура для должников, платежеспособность которых была «непоправимо подорвана», эта «процедура личного восстановления» (*Procédure de rétablissement personnel*; PRP) предполагает быстрое освобождение от долгов

в обмен на реализацию имущества, не подлежащего удержаниям. Более того, с 2010 года комиссии могут рекомендовать освободить должника от обязательств без предварительной реализации имущества (PRP sans liquidation judiciaire), если было установлено, что у должника нет имущества, и ввиду финансовой ситуации большинства перекредитованных граждан PRP быстро превратился в основную альтернативу добровольному плану платежей. В целом текущее разнообразие процедур во французском законодательстве о потребительском банкротстве варьируется от многолетних периодов платежей для могущих платить должников до немедленного списания долгов для безнадежно перекредитованных должников категории NINA (подробнее см. Kilborn, 2005, 2010; Ramsay, 2012).

Общий принцип, на котором основаны различные проявления адаптируемости процедур, состоит в том, что режим потребительского банкротства должен соответствовать возможностям должников. Соответственно, в отличие от «германской» модели ответственности, «франко-скандинавская» модель милосердия основана на представлении, что должники категории NINA должны быстрее освобождаться от долгов, чем те должники, которые могут что-то заплатить, или, по крайней мере, не должны находиться в процедуре банкротства дольше них.

Хотя можно утверждать, что это создает нежелательные стимулы, — то есть должники могут ухудшить свое финансовое положение, чтобы

получить быстрое освобождение от долгов, — исследования показывают, что предположения о стратегическом поведении должников в потребительском банкротстве содержат значительные преувеличения (Sullivan et al., 1988, 1997). Все же диапазон возможных результатов процедур во «франко-скандинавских» системах потребительского банкротства вызывает сомнения в их справедливости; например, во Франции существует резкий контраст между немедленным освобождением от долгов безнадежно перекредитованных должников категории NINA и восьмилетним планом платежей для должников, которые могут что-то заплатить. Другие проблемы — непредсказуемость процедур и подчинение должников решениям уполномоченных в сфере банкротства органов, что приводит к большому количеству прекращенных дел (см. ниже).

Третий и последний механизм, создающий изоляцию в этих системах освобождения от долгов, является производным от двух первых: широкие дискреционные полномочия уполномоченных органов в сфере банкротства органов. Чтобы определить нужды и возможности должников и решить вопрос о допуске должников и о направлении процедуры, все «франко-скандинавские» системы потребительского банкротства предоставляют широкие дискреционные полномочия официальным должностным лицам. В Швеции они оценивают личные и экономические обстоятельства должника, решают вопрос о его допуске к процедуре и определяют различные аспекты процедуры

освобождения от долгов (см. выше). В целом этот широкий диапазон дискреционных полномочий порождает три проблемы. Первая — «дискреция занимает много времени и тратит много средств, и опыт показывает, что выгоды от большей гибкости процедуры незначительны в контексте ограниченных средств и значительных обязательств должников» (Kilborn, 2009). Второе — дискреция может привести к значительным (в зависимости от принимающего решение лица и региона) вариациям в отношении допуска к процедуре потребительского банкротства, ее направления и результатов, что, очевидно, поднимает вопросы о беспристрастности и справедливости. И третье — дискреция может поощрять «чувства морального консерватизма» (Niemi-Kiesiläinen, 2003, p. 54) и приводит к повышению уровня отказов в допуске к процедуре и слишком высоким критериям допуска.

Вполне можно обсуждать, являются ли широкие дискреционные полномочия уполномоченных органов прямым последствием того, что за отправную точку принимаются нужды и возможности должников, и возможно ли сузить пределы свободного усмотрения таких органов. Но, видимо, «франко-скандинавские» системы потребительского банкротства избрали такой подход по нескольким причинам. Во-первых, списание долгов было новым инструментом для европейских правовых систем, и законодатели соглашались, что американский подход к быстрому предоставлению “fresh start” неприемлем;

в этой ситуации самым простым вариантом могло показаться предоставление уполномоченным в сфере банкротства лицам права определять судьбу отдельных должников. Во-вторых, потребительское банкротство — это средство социальной политики, затрагивающее различных участников частного сектора экономики с различными интересами; поэтому предоставление государственным органам широких возможностей свободного усмотрения лучше подходит для установления баланса этих интересов. И, в-третьих, списание долгов прямо вмешивается в сферу вещных и обязательственных прав, и законодатель мог предполагать, что такое вмешательство допустимо только благодаря дискреционным полномочиям государственных органов. Тем не менее в большинстве «франко-скандинавских» систем освобождения от долгов осознают, какие проблемы неизбежно связаны с широкой дискрецией, и в некоторых странах дискреционные полномочия государственных органов были ограничены в последние годы, чтобы сократить расходы, увеличить степень единообразия и беспристрастности, предотвратить изоляцию граждан от системы освобождения от долгов (Kilborn, 2009).

Эти проявления социально-политического подхода — допуск к процедуре, исходя из нужд должников, основанные на возможностях должников «настраиваемые» процедуры, широкие дискреционные полномочия государственных органов, не допускают существенную часть должников к возможности “fresh start”. И хотя невозможно

оценить, в какой мере должники удерживаются от подачи заявлений об освобождении от долгов, есть опытное подтверждение степени социальной изоляции после подачи таких заявлений.

В Швеции основная сложность освобождения от долгов — это оценка возможности допуска в самом начале процедуры. С момента принятия законодательства о потребительском банкротстве в 1994 году каждый год как минимум трети должников было отказано в допуске к процедуре освобождения от долгов на основании оценки КФМ их личных и экономических обстоятельств, исходящей из двух широко сформулированных требований «подтвержденной несостоятельности» и «обоснованности». Фактически, с 1994 по 1999 год ежегодно более половины всех должников, подававших заявления, получили отказ в доступе к процедуре освобождения от долгов; с 2000 по 2008 год их количество несколько снизилось до 40–50%, а с 2009 упало до 30–40%; в 2012 году доля отказов составила 38,3%, то есть 2 883 отказа на 7 520 рассмотренных дел (Kilborn, 2006b; Kronofogdemyndigheten — KFM).

Статистика в Норвегии показывает сходную пропорцию принятых заявлений и отказов, а в Дании, несмотря на снижение количества отказов в последние годы, по-прежнему более половины должников получают отказ в доступе к процедуре освобождения от долгов. В 2012 году было отклонено 3 054 из 5 568 заявлений, то есть 54,8 % (Danmarks Domstole).

Напротив, в Финляндии, Франции и Бельгии доступ к процедуре освобождения от долгов более открытый, но даже в этих системах потребительского банкротства отказ получают от 10 до 20% заявителей. Эти высокие показатели отказа в доступе, вероятно, следуют из социально-политического подхода, считающего освобождение от долгов актом милосердия и позволяющего государственным органам оценивать «заслуживают» ли конкретные должники освобождения на основании расплывчатых экономических и моральных критериев.

Вторая проблема «франко-скандинавских» систем потребительского банкротства в том, что значительная часть процедур освобождения от долгов прекращается формально или «забрасывается». Для большинства «франко-скандинавских» систем нет статистики по доле завершённых дел, но примером может служить Бельгия: Джейсон Дж. Килборн отмечает, что в первые годы действия бельгийского Закона о потребительском банкротстве «очень большая часть дел откладывалась на годы после принятия решения о допуске граждан к процедуре, или они полностью «исчезали с радаров» (Kilborn, 2006a, p. 96). Недавняя статистика показывает, что на 2012 год лишь 40 730 из 101 155 дел о потребительском банкротстве завершились добровольным или принудительным урегулированием (Banque Nationale de Belgique 2013, p. 62).

Статистика также подсказывает возможную причину такой высокой доли «заброшенных» дел: продолжительность согласованных планов

платежей на практике значительно превышает трех-пятилетний срок, предусмотренный законодателем для их принудительно вводимого аналога: 39,4% согласованных планов имеют срок от шести до девяти лет, 28% — от девяти до двенадцати лет, и 8,8% даже превышает двенадцать лет (Banque Nationale de Belgique, 2013, p. 63). Иными словами, многие планы платежей содержат слишком высокие требования, и сомнительно, сумеют ли принявшие эти планы должники когда-либо получить освобождение от долгов.

Третья проблема модели милосердия — это значительные региональные особенности, касающиеся доли допусков к процедуре и иных условий освобождения от долгов. Швеция, вероятно, менее затронута этой проблемой, чем другие системы потребительского банкротства, поскольку на всей территории страны администрирование процедур потребительского банкротства осуществляет KFM, что обеспечивает сравнительно единообразный подход. В то же время в других «франко-скандинавских» системах процедурой потребительского банкротства занимаются различные региональные органы — суды в Дании, Финляндии и Норвегии, суды по трудовым спорам в Бельгии, Комиссии по рассмотрению чрезмерной задолженности физических лиц (Commission de surendettement des particuliers) во Франции, — и это создает значительные региональные особенности. Лучший пример — Дания, где дискреционные полномочия судей привели к неоднородности практики по двум аспектам: отношение числа допущенных должников к тем

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

должникам, чьи заявления отклонены, и определение удержаний из доходов. Чтобы справиться со второй проблемой, датский законодатель провел реформу, ограничившую дискрецию и создавшую более единообразный подход к удержаниям. Тем не менее проблема региональных особенностей в части доступа граждан к процедуре остается актуальной. Например, в 2012 году суд города Хорсенс (восточная Ютландия) допустил к процедуре 72,9% заявителей, в то время как суд Копенгагена — только 27,2%, то есть 201 из 740 заявителей (Danmarks Domstole).

Подводя итоги, видим, что последствия социальной политики во «франко-скандинавском» подходе к потребительскому банкротству — это ограничение допуска к освобождению от долгов значительной доли должников. Это делается в основном с помощью трех механизмов:

(1) фокусирование на нуждах должников и оценке того, «заслуживают» ли они освобождения, с помощью индивидуального допуска к процедуре;

(2) фокусирование на возможностях должников, приводящее к «настраиваемому» характеру процедур;

(3) предоставление широких дискреционных полномочий государственным органам для принятия индивидуальных решений по приведенным аспектам.

В результате от 20 до 70% должников во «франко-скандинавских» системах освобождения от долгов не получают возможности “fresh start”.

В данном исследовании рассмотрена проблема социальной изоляции перекредитованных домохозяйств от возможности освобождения от долгов в новых западноевропейских системах потребительского банкротства. Это сделано в четыре этапа. Первый — определено само потребительское банкротство, обозначены его участники, цели, составные элементы. Второй — возникновение современных систем потребительского банкротства помещено в контекст трансформаций развитого капитализма и государства всеобщего благосостояния, а также показано, что в банкротстве отражаются моральные, экономические и социальные нормы обществ. Третий — представлена классификация систем потребительского банкротства, показывающая, что европейские системы потребительского банкротства отличаются от англо-саксонских и в Западной Европе можно выделить две модели потребительского банкротства: *модель ответственности*, подчеркивающая ответственность должника за неисполнение обязательств (в Австрии и Германии), и *модель милосердия*, основанная на социально-политических соображениях о необходимости «заслужить» освобождение и предоставляющая широкие дискреционные полномочия в сфере банкротства государственным органам (в Бельгии, Франции, Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции). И четвертый этап — обоснована позиция, согласно которой обе европейские модели потребительского

банкротства не допускают значительную долю несостоятельных должников к возможности “fresh start”, и на двух примерах (Австрия и Швеция) показано, как для этого используются различные нормативные основания, механизмы изоляции, типы должников, которые не допускаются к процедуре.

В «германской» модели ответственности акцент на возврате долгов не дает возможности малоимущим должникам категории NINA получить списание долгов. Основные механизмы: (1) длительные периоды платежей; (2) обязанности по обучению и определенному поведению; (3) обременительные издержки. Австрийская система потребительского банкротства — образцовый пример этой модели, поскольку она предусматривает десятилетний период платежей для должников категории NINA и требует минимальных платежей (расходы на процедуру и десять процентов требований кредиторов) для получения освобождения. Исследования других систем личного банкротства показывают, что это исключает возможность освобождения от долгов для большинства неплатежеспособных домохозяйств. Напротив, германская система потребительского банкротства предоставляет возможность освобождения от долгов для должников категории NINA, но это делает очевидной сомнительность оснований всей модели в целом, так как сложные шестилетние процедуры создают значительные расходы, но очень несущественные платежи от должников; иными словами, германский вари-

ант — дорогостоящее, но по большей части символическое средство обозначения важности уплаты долгов.

«Франко-скандинавская» модель милосердия в потребительском банкротстве движима социально-политическими соображениями о том, кто «заслуживает» освобождения, и фокусируется на нуждах и возможностях должника; тем не менее эта попытка заменить механизмы государства всеобщего благосостояния создает изоляцию в трех аспектах: (1) строгий допуск к процедуре, исключая должников, которые сочтены «недостаточно нуждающимися»; (2) «настраиваемые» процедуры создают проблемы непредсказуемости и пристрастности, что проявляется в высокой доле «заброшенных» процедур; (3) широкие дискреционные полномочия, предоставленные уполномоченным в сфере банкротства органам поощряют «моральный консерватизм», высокую долю отказов в допуске к процедуре, планы с чрезмерно высоким размером платежей и существенное региональное разнообразие практики. В результате в большинстве этих систем потребительского банкротства большая часть должников не получает возможности “fresh start”.

В разделе 3 обосновывалось утверждение о том, что потребительская перекредитованность затрагивает существенную долю частных домохозяйств во всех экономически развитых странах, и что она оказывает негативное влияние как на самих должников и членов их семей, так и на рынки труда, финансовые рынки, общественный доход,

политику государства всеобщего благосостояния, системы здравоохранения и судебные системы. Правительства и международные организации постоянно подчеркивают важность возможности освобождения от долгов перекредитованных домохозяйств по экономическим, социальным и этическим соображениям. В теории, потребительское банкротство — наиболее важное средство борьбы с перекредитованностью и возвращения освободившихся домохозяйств в нормальную экономическую жизнь. Однако сделанные в настоящей работе выводы показывают, что большинство перекредитованных домохозяйств во многих европейских странах изолированы от возможности финансового “fresh start” из-за моральных, экономических и социально-политических основ и принципиальных положений потребительского банкротства в этих странах. Кратко говоря, новые европейские модели освобождения потребителей от долгов работают не так хорошо, как от них ожидалось, поскольку они изолируют несостоятельные домохозяйства и чреваты проблемами недостаточной беспристрастности и эффективности.

Что можно сделать для повышения степени социальной интеграции несостоятельных домохозяйств в Европе? Необходимы два принципиальных изменения. Первое — не надо заново изобретать законы о потребительском банкротстве; *рыночная модель* потребительского банкротства, лучшим примером которой являются США, сочетает экономическую эффективность

и социальную интеграцию. Ее сущность довольно проста: потребительское банкротство — это предлагаемый рынком и содержащий рыночные требования ответ на рыночные проблемы дефолта, который переносит риск и издержки дефолта на (коммерческих) кредиторов, поскольку они находятся в лучшей позиции для оценки риска дефолта и способны вынести его издержки; цена, которую платит должник за «обязательное страхование долгов», уже вложена в цену кредита. В случае дефолта должники быстро получают возможность “fresh start” в обмен на отказ от (не подлежащих удержаниям) активов и, возможно, разумный период платежей. Эта модель ориентирована на рынок, но она также помогает домохозяйствам, обеспечивая их быструю экономическую реинтеграцию и социальную вовлеченность.

Опыт США также показывает, что основные возражения против этой модели — презюмируемые массовые злоупотребления со стороны должников, высокая цена кредита и его низкая доступность не являются корректными.

Еще одно изменение касается ахиллесовой пяты рыночной модели (или ее текущих воплощений) — недостаточности финансовой и институциональной инфраструктуры, обеспечивающей широкий доступ к освобождению от долгов и поддержку в течение процедуры освобождения. К ней существуют три требования: (1) доступность профессиональных и недорогих консультаций по вопросам консультирования в сфере долгов

для поддержки должников в подготовке к процедуре освобождения от долгов; (2) возмещение расходов на процедуру освобождения от долгов за счет публичных средств или освобождение от этих расходов для должников категории NINA, чтобы дополнительные финансовые обременения не препятствовали освобождению от долгов; (3) конструкция потребительского банкротства должна быть централизованной административной процедурой с минимумом судебного участия, чтобы обеспечить ее доступность, единообразие и беспристрастность. Европейские страны уже провели достаточно серьезную подготовку в этом отношении.

Конечно, движение в сторону «административной рыночной модели» потребительского банкротства в Европе вызовет противодействие со стороны таких ключевых игроков, как финансовые институты и органы правосудия, и встретит идеологическое сопротивление, связанное с отходом от укоренившихся моральных и социальных норм европейских систем потребительского банкротства. Но две движущие силы могут сподвигнуть европейские системы вернуться в сторону рыночной модели: возрастающая популярность «банкротного туризма» в наиболее дружественные для должников системы потребительского банкротства и инициативы на европейском уровне, критикующие перекредитованность как барьер на пути свободного передвижения рабочей силы и предлагающие сформулировать общий европейский подход к рыночному регу-

лированию. Тем не менее финский исследователь банкротства Йоханна Ниemi (Johanna Niemi) предупреждает против чрезмерного оптимизма в этом отношении: «Я не думаю, что Европа будет готова к гармонизации законодательства в этой сфере. Гармонизация не имела успеха в сфере несостоятельности юридических лиц, и она может быть еще более сложной в области личного банкротства, где существуют устойчивые этические представления о необходимости уплаты долгов» (Niemi, 2012, p. 458).

Также, хотя рыночная модель потребительского банкротства может быть многообещающим решением проблемы изоляции перекредитованных домохозяйств от процедуры освобождения от долгов, она не решит проблему потребительского перекредитования и связанных с ним глубинных экономических явлений. Борьба с проблемами потребительской задолженности предполагает необходимость использования различных мер социальной политики, и лучше всего для предотвращения перекредитования подходит политика развитого государства всеобщего благосостояния.

ЛИТЕРАТУРА

Adler, Barry E.; Polak, Ben; Schwartz, Alan (2000): Regulating consumer bankruptcy. A theoretical inquiry. In *Journal of Legal Studies* 29 (2), pp. 585–613.

Anderson, Kent (2004): The explosive global growth of personal insolvency and the concomitant birth of the study of comparative consumer bankruptcy. Review essay. In *Osgoode Hall Law Journal* 42 (4), pp. 661–680.

Angel, Stefan; Einböck, Marina; Heitzmann, Karin (2009): Politik gegen und Ausmaß der Überschuldung in den Ländern der Europäischen Union. Institut für Sozialpolitik, Department Volkswirtschaft, Wirtschaftsuniversität Wien. Wien (SP Working Paper, WP 01/2009).

Anioła, Paulina; Gołaś, Zbigniew (2012): Differences in the level and structure of household indebtedness in the EU countries. In *Contemporary Economics* 6 (1), pp. 46–59.

ASB Schuldnerberatungen GmbH (2004): Der Privatkonkurs auf dem Prüfstand. Linz.

ASB Schuldnerberatungen GmbH (2012): Schuldenreport 2012. Linz.

Backert, Wolfram (2003): Leben im modernen Schuldturm. Überschuldung von Privathaushalten und soziale Milieus in den alten und neuen Bundesländern; eine qualitative Fallstudie. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Baird, Douglas G. (2007): Technology, information, and bankruptcy. In *University of Illinois Law Review* 2007 (1), pp. 305–321.

Baird, Douglas G. (2010): The elements of bankruptcy. 5th ed. New York, NY: Foundation Press.

Banque Nationale de Belgique (2013): Centrale des crédits aux particuliers. Statistiques 2012. Bruxelles.

Barba, Aldo; Pivetti, Massimo (2009): Rising household debt. Its causes and macroeconomic implications — a long-period analysis. In *Cambridge Journal of Economics* 33 (1), pp. 113–137.

Betti, Gianni; Dourmashkin, Neil; Rossi, Mariacristina; Verma, Vijay; Yin, Ya Ping (2001): Study of the problem of consumer indebtedness. Statistical aspects. Final report; submitted to Commission of the European Communities, Directorate-General for Health & Consumer Protection. Commission of the European Communities, Directorate-General Health and Consumer Protection. London.

Betti, Gianni; Dourmashkin, Neil; Rossi, Mariacristina; Yin, Ya Ping (2007): Consumer over-indebtedness in the EU. Measurement and characteristics. In *Journal of Economic Studies* 34 (2), pp. 136–156.

Calder, Lendol Glen (1999): Financing the American dream. A cultural history of consumer credit. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Chatterjee, Satyajit (2008): The economic logic of a fresh start. In *Business Review* 2008 (Q1), pp. 1–8.

Council of Europe, Committee of Ministers (2008): Legal solutions to debt problems. Recommendation Rec(2007)8 and explanatory memorandum. Adopted

by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 20 June 2007. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Crouch, Colin (2009): Privatized Keynesianism. An unacknowledged policy regime. In *British Journal of Politics and International Relations* 11 (3), pp. 382–399.

Danmarks Domstole: Statistik for skiftesager. Modtagne sager om insolvensskifte m.v. Available online at <http://www.domstol.dk/om/talogfakta/statistik/Pages/skiftesager.aspx>, checked on 10/05/2013.

Ebli, Hans (2003): Pädagogisierung, Entpolitisierung und Verwaltung eines gesellschaftlichen Problems? Die Institutionalisierung des Arbeitsfeldes "Schuldnerberatung". Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.

Feibelman, Adam (2005): Defining the social insurance function of consumer bankruptcy. In *American Bankruptcy Institute Law Review* 13 (1), pp. 1–58.

Graeber, David (2011): *Debt. The first 5,000 years*. New York, NY: Melville House Publishing.

Graver, Hans Petter (1997): Consumer bankruptcy: A right or a privilege? The role of the courts in establishing moral standards of economic conduct. In *Journal of Consumer Policy* 20 (2), pp. 161–177.

Hacker, Jacob S.; O'Leary, Ann (Eds.) (2012): *Shared responsibility, shared risk. Government, markets, and social policy in the twenty-first century*. Oxford: Oxford University Press.

Hallinan, Charles G. (1986): The "fresh start" policy in consumer bankruptcy. A historical inventory and an interpretive theory. In *University of Richmond Law Review* 21 (1), pp. 49–160.

Heuer, Jan; Hils, Sylvia; Richter, Anika; Schröder, Brunhild; Sackmann, Reinhold (2005): Der außergerichtliche Einigungsversuch im Verbraucherinsolvenzverfahren. Inkasso-Unternehmen als neue Datenquelle für Verschuldungsuntersuchungen. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Institut für Soziologie. Halle (Saale) (Der Hallesche Graureiher: Forschungsberichte des Instituts für Soziologie, 2005-3).

Heuer, Jan-Ocko (2008): Verbraucherinsolvenzberatung durch Rechtsanwälte. Ergebnisse einer empirischen Studie. In *Zeitschrift für Verbraucher- und Privat-Insolvenzrecht (ZVI)* 7 (12), pp. 505–513.

Heuer, Jan-Ocko (2009): *Anwaltliche Schuldner- und Verbraucherinsolvenzberatung. Eine explorative Studie zur Rechtswirklichkeit anwaltlicher Insolvenzberatung im Rahmen des § 305 InsO*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač.

Howard, Margaret (1987): A theory of discharge in consumer bankruptcy. In *Ohio State Law Journal* 48 (4), pp. 1047–1088.

Huls, Nick J. H. (1992): American influences on European consumer bankruptcy law. In *Journal of Consumer Policy* 15 (2), pp. 125–142.

Huls, Nick J. H.; Reifner, Udo; Bourgoignie, Thierry; Reich, Norbert; Domont-Naert, Françoise; van Huffel, Michel et al. (1994): *Overindebtedness*

of consumers in the EC member states. Facts and search for solutions. Commission of the European Communities, Directorate-General Consumer Policy Services. Brussels.

Iacoviello, Matteo (2008): Household debt and income inequality, 1963–2003. In *Journal of Money, Credit and Banking* 40 (5), pp. 929–965.

INSOL International (2001): Consumer debt report. Report of findings and recommendations. London.

INSOL International (2011): Consumer debt report II. Report of findings and recommendations. London.

Jackson, Thomas H. (1985): The fresh-start policy in bankruptcy law. In *Harvard Law Review* 98 (7), pp. 1393–1448.

Kilborn, Jason J. (2005): La responsabilisation de l'économie. What the United States can learn from the new French law on consumer overindebtedness. In *Michigan State Journal of International Law* 26 (2), pp. 619–671.

Kilborn, Jason J. (2006a): Continuity, change and innovation in emerging consumer bankruptcy systems. Belgium and Luxembourg. In *American Bankruptcy Institute Law Review* 14 (1), pp. 69–107.

Kilborn, Jason J. (2006b): Out with the new, in with the old. As Sweden aggressively streamlines its consumer bankruptcy system, have U.S. reformers fallen off the learning curve? In *American Bankruptcy Law Journal* 80 (4), pp. 435–475.

Kilborn, Jason J. (2007): *Comparative consumer bankruptcy*. Durham, NC: Carolina Academic Press.

Kilborn, Jason J. (2009): Two decades, three key questions, and evolving answers in European consumer insolvency law. Responsibility, discretion, and sacrifice. In Johanna Niemi, Iain Ramsay, William C. Whitford (Eds.): *Consumer credit, debt and bankruptcy. Comparative and international perspectives*. Oxford: Hart Publishing, pp. 307–329.

Kilborn, Jason J. (2010): Still chasing chimeras but finally slaying some dragons in the quest for consumer bankruptcy reform. Available online at <http://ssrn.com/abstract=1701212>.

Kilborn, Jason J. (2011): Expert recommendations and the evolution of European best practices for the treatment of overindebtedness, 1984–2010. Radboud University Nijmegen, Faculty of Law, Business & Law Research Centre. Deventer (Law of Business and Finance, 11).

Kilborn, Jason J.; Booth, Charles D.; Niemi, Johanna; Ramsay, Iain; Garrido, José M. (2013): Report on the treatment of the insolvency of natural persons. Edited by World Bank. World Bank, Insolvency and Creditor/Debtor Regimes Task Force, Working Group on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons. Washington, DC.

Korczak, Dieter (2004): Überschuldungsexpertise für den 2. Armuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung. In : Lebenslagen von Familien und Kindern; Überschuldung privater Haushalte. Expertisen zur Erarbeitung des Zweiten Armuts- und Reichtumsberichtes der Bundesregierung. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen

und Jugend (BMFSFJ) (Materialien zur Familienpolitik, 19/2004), pp. 280–309;1–29.

Korczak, Dieter (2006): Amnesty of debts. Amicable agreement and statutory solution; a discussion of the Dutch model, Netherlands. Synthesis report. Commission of the European Communities, Directorate-General Employment, Social Affairs and Equal Opportunities. Rotterdam (Peer Review in Social Protection and Social Inclusion and Assessment in Social Inclusion).

Korobkin, Donald R. (2003): Bankruptcy law, ritual, and performance. In *Columbia Law Review* 103 (8), pp. 2124–2159.

Kreditschutzverband von 1870 (KSV1870) (2013): Privatpleiten: keine Zunahme. Insolvenzzstatistik Private 2012. Wien.

Kronofogdemyndigheten (Swedish Enforcement Authority): Skuldsanering. Statistiken. Available online at <http://www.kronofogden.se/20136.html>, checked on 10/05/2013.

Krueger, Dirk; Perry, Fabrizio (2006): Does income inequality lead to consumption inequality? Evidence and theory. In *Review of Economic Studies* 73 (1), pp. 163–193.

Lechner, Götz; Backert, Wolfram (2007): Leben im roten Bereich. Daten zum Leben in der Verbraucherinsolvenz. In SCHUFA HOLDING AG (Ed.): *Schulden-Kompass 2007. Empirische Indikatoren der privaten Ver- und Überschuldung in Deutschland*. Wiesbaden, pp. 117–130.

Levinthal, Louis Edward (1918): The early history of bankruptcy law. In *University of Pennsylvania Law*

Review and American Law Register 66 (5/6), pp. 223–250.

Logemann, Jan (Ed.) (2012): The development of consumer credit in global perspective. Business, regulation, and culture. New York, NY: Palgrave Macmillan.

London Economics (2012): Study on means to protect consumers in financial difficulty. Personal bankruptcy, datio in solutum of mortgages, and restrictions on debt collection abusive practices. Final Report. Contract No MARKT/2011/023/B2/ST/FC. Financial Services User Group (FSUG); Commission of the European Communities, Directorate-General Internal Market and Services. London.

Mahmud, Tayyab (2012): Debt and discipline. In *American Quarterly* 64 (3), pp. 469–494.

Mann, Bruce H. (2002): Republic of debtors. Bankruptcy in the age of American independence. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mann, Ronald J. (2006): Charging ahead. The growth and regulation of payment card markets. Cambridge: Cambridge University Press.

Mann, Ronald J. (2007): Bankruptcy reform and the “sweat box” of credit card debt. In *University of Illinois Law Review* 2007 (1), pp. 375–403.

McCoid, John C., II (1996): Discharge. The most important development in bankruptcy history. In *American Bankruptcy Law Journal* 70 (1), pp. 163–193.

Niemi, Johanna (2010): Personal insolvency. In Geraint Howells, Iain Ramsay, Thomas Wilhelmsson, David Kraft (Eds.): *Handbook of research on*

international consumer law. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 409–430.

Niemi, Johanna (2012): Consumer insolvency in the European legal context. In *Journal of Consumer Policy* 35 (4), pp. 443–459.

Niemi-Kiesiläinen, Johanna (1999): Consumer bankruptcy in comparison. Do we cure a market failure or a social problem? In *Osgoode Hall Law Journal* 37 (1&2), pp. 473–503.

Niemi-Kiesiläinen, Johanna (2003): Collective or individual? Constructions of debtors and creditors in consumer bankruptcy. In Johanna Niemi-Kiesiläinen, Iain Ramsay, William C. Whitford (Eds.): *Consumer bankruptcy in global perspective*. Oxford: Hart Publishing, pp. 41–60.

Niemi-Kiesiläinen, Johanna; Henrikson, Ann-Sofie (2005): Report on legal solutions to debt problems in credit societies. Council of Europe, Bureau of the European Committee on Legal Co-Operation (CDCJ-BU). Strasbourg (CDCJ-BU, (2005) 11 rev).

Porter, Katherine M. (Ed.) (2012): *Broke. How debt bankrupts the middle class*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Posner, Eric A. (1995): Contract law in the welfare state. A defense of the unconscionability doctrine, usury laws, and related limitations on the freedom to contract. In *Journal of Legal Studies* 24 (2), pp. 283–319.

Postone, Moishe (2007): Theorizing the contemporary world. Robert Brenner, Giovanni Arrighi, David Harvey. In Robert Albritton, Bob Jessop,

Richard Westra (Eds.): *Political economy and global capitalism. The 21st century, present and future*. London: Anthem Press, pp. 7–24.

Ramsay, Iain (1997): Models of consumer bankruptcy. Implications for research and policy. In *Journal of Consumer Policy* 20 (2), pp. 269–287.

Ramsay, Iain (2003): Consumer credit society and consumer bankruptcy. Reflections on credit cards and bankruptcy in the informational economy. In Johanna Niemi-Kiesiläinen, Iain Ramsay, William C. Whitford (Eds.): *Consumer bankruptcy in global perspective*. Oxford: Hart Publishing, pp. 17–39.

Ramsay, Iain (2012): A tale of two debtors. Responding to the shock of over-indebtedness in France and England – a story from the Trente Piteuses. In *Modern Law Review* 75 (2), pp. 212–248.

Rasmussen, Robert K. (2007): Introduction. The art of bankruptcy. In Robert K. Rasmussen (Ed.): *Bankruptcy law stories*. New York, NY: Foundation Press, pp. 1–10.

Reifner, Udo; Niemi-Kiesiläinen, Johanna; Huls, Nick J. H.; Springeneer, Helga (2003): Consumer overindebtedness and consumer law in the European Union. Commission of the European Communities, Directorate-General Health and Consumer Protection.

Reifner, Udo; Springeneer, Helga (2004): Private Überschuldung im internationalen Vergleich. Trends, Probleme, Lösungsansätze. In SCHUFA HOLDING AG (Ed.): *Schulden-Kompass 2004. Empirische Indikatoren der privaten Ver- und Überschuldung in Deutschland*. Wiesbaden, pp. 161–211.

Reis, Claus (1992): Konsum, Kredit und Überschuldung. Zur Ökonomie und Soziologie des Konsumentenkredits. Frankfurt am Main: Eigenverlag des Deutschen Vereins für öffentliche und private Fürsorge.

Rojas Gonzalez, Gara; Montaigne, Fabienne (2010): Over-indebtedness of European households in 2008. Highest share of population in a “critical” situation in the United Kingdom, Germany, Cyprus, Austria and Greece. Eurostat. Luxembourg (Statistics in Focus, 61/2010).

Schelke, Waltraud (2012): A crisis of what? Mortgage credit markets and the social policy of promoting homeownership in the United States and in Europe. In *Politics and Society* 40 (1), pp. 59–80.

Schick, Sandor E. (2006): Globalization, bankruptcy and the myth of the broken bench. In *American Bankruptcy Law Journal* 80 (2), pp. 219–260.

Schneider, Birgit (2010): Privatinsolvenz. Wien: Linde Verlag.

Spooner, Joseph (2012): Long overdue. What the belated reform of Irish personal insolvency law tells us about comparative consumer bankruptcy. In *American Bankruptcy Law Journal* 86 (2), pp. 243–304.

Statistisches Bundesamt Deutschland (2012): Unternehmen und Arbeitsstätten Insolvenzverfahren. Dezember und Jahr 2011. Fachserie 2 Reihe 4.1. Statistisches Bundesamt Deutschland. Wiesbaden.

Streeck, Wolfgang (2011): The crises of democratic capitalism. In *New Left Review* 2011 (71 (Sept/Oct)), pp. 5–29.

Sullivan, Teresa A.; Warren, Elizabeth; Westbrook, Jay Lawrence (1988): Laws, models, and real people. Choice of Chapter in personal bankruptcy. In *Law & Social Inquiry* 13 (4), pp. 661–706.

Sullivan, Teresa A.; Warren, Elizabeth; Westbrook, Jay Lawrence (1989): As we forgive our debtors. Bankruptcy and consumer credit in America. New York, NY: Oxford University Press.

Sullivan, Teresa A.; Warren, Elizabeth; Westbrook, Jay Lawrence (1997): Consumer bankruptcy in the United States. A study of alleged abuse and of local legal culture. In *Journal of Consumer Policy* 20 (2), pp. 223–268.

Sullivan, Teresa A.; Warren, Elizabeth; Westbrook, Jay Lawrence (2000): The fragile middle class. Americans in debt. New Haven, CT: Yale University Press.

Tabb, Charles J. (1991): The historical evolution of the bankruptcy discharge. In *American Bankruptcy Law Journal* 65, pp. 325–371.

Tabb, Charles J. (1995): The history of the bankruptcy laws in the United States. In *American Bankruptcy Institute Law Review* 3 (1), pp. 5–51.

Tabb, Charles J. (2005): Lessons from the globalization of consumer bankruptcy. Book reviews: Consumer Bankruptcy in Global Perspective by Johanna Niemi-Kiesiläinen; Iain Ramsay; William Whitford; Comparative Consumer Insolvency Regimes: A Canadian Perspective by Jacob S. Ziegel. In *Law & Social Inquiry* 30 (4), pp. 763–782.

Tabb, Charles J. (2007): The top twenty issues in the history of consumer bankruptcy. In *University of Illinois Law Review* 2007 (1), pp. 9–29.

Verband der Vereine Creditreform e.V. (Ed.) (2012): *SchuldnerAtlas Deutschland. Jahr 2012.* Neuss.

Wilhelmsson, Thomas (1990): ‘Social force majeure’. A new concept in Nordic consumer law. In *Journal of Consumer Policy* 13 (1), pp. 1–14.

Таблица 1
Индексы и индикаторы, используемые для классификации систем потребительского банкротства

ВОПРОС	ИНДЕКС И(ИЛИ) ИНДИКАТОР(Ы)
Продолжительность процедуры потребительского банкротства (когда происходит списание долгов?)	bankruptcy_duration
Диапазон возможности “fresh start” (что списывается?)	DISCHARGE_EXCEPTIONS exception_consumer_credit exception_contractual exception_taxes exception_fines exception_torts_non exception_torts_int exception_spouse exception_child exception_education exception_shortbefore exception_bankruptcy exception_nondisclosed exception_other
Предотвращение злоупотреблений (кто получает списание долгов?: ограничения)	MISUSE_PREVENTION bankruptcy_misconduct asset_liquidation canpay_shouldpay access_screening previous_discharge
Обязательства должника по обучению и определенному поведению (кто получает списание долгов?: ограничения)	DEBTOR_EDUCATION mandatory_counseling financial_education labormarket_obligations creditmarket_obligations

Ограничения и дисквалификации (кто получает списание долгов?: ограничения)	DEBTOR_RESTRICTIONS Economic_restrictions Political_restrictions Civil_restrictions Restrictions_extended
Защита должника (кто получает списание долгов?: создание условий)	DEBTOR_PROTECTION no_insolvency_required stay_enforcement asset_exemptions income_exemptions reaffirmation_protection
Отношение к должникам категории NINA (кто получает списание долгов?: создание условий)	NINA_DEBTORS free_filing_support no_procedure_costs no_minimum_payment shorter_duration
Дискреционные полномочия государственных органов	DISCRETIONARY_POWERS discretion_duration discretion_exemptions discretion_obligations discretion_exceptions discretion_denial

Примечание: индикаторы написаны строчными, ИНДЕКСЫ — заглавными буквами. Подробнее см. мою работу «Правила и практика потребительского банкротства и освобождение от долгов: сравнение и классификация систем личного банкротства в пятнадцати экономически развитых странах» (<https://doi.org/10.26092/elib/454>).

АНДРЕЙ АМЕЛИН И АНДРЕЙ СМИРНЫХ

**Модели банкротства граждан
в XXI веке:
место России в современном мире**

В начале XXI века банкротство граждан (в этом исследовании мы говорим именно о потребительском банкротстве) стало одной из магистральных тем, связанных с несостоятельностью. Ключевой социальной проблемой, столь радикально повысившей значимость банкротства граждан, является перекредитованность, которая сейчас ясно наблюдается и на межгосударственном, и на корпоративном уровнях, и на уровне долгов граждан и домохозяйств. На наш взгляд, перекредитованность граждан — это частный случай проблемы перекредитованности современного общества в целом. Еще одним наглядным ее проявлением является многократное увеличение государственного долга экономически развитых государств, который в XXI веке только возрастает²⁷. Подобно тому как рост государственного долга означает перекладывание существующих сейчас проблем на будущие поколения, радикальное увеличение задолженности граждан скорее также свидетельствует об откладывании проблем «на потом», а не о готовности использовать заемные средства для развития.

При этом масштабы перекредитованности весьма серьезны. Так, в США, по данным Американского союза гражданских свобод (ACLU), у 77 млн человек (т.е. у каждого третьего взрослого гражданина) есть долги, взыскание которых пере-

---

²⁷ Подробно об этом см.: Фергюсон Н. Великое вырождение: как разрушаются институты и гибнут государства. — М., 2016. — С. 52.

дано коллекторским агентствам²⁸, а в Германии, как мы увидим при дальнейшем рассмотрении, долговые проблемы есть у почти 9 млн человек. В России количество потенциальных банкротов также достаточно велико: по некоторым оценкам их более 4,5 млн человек (если учитывать тех граждан, которые с недавних пор могут воспользоваться упрощенной процедурой)²⁹.

Очевидно, что интересами и проблемами такого количества граждан (избирателей) не может пренебрегать никакое современное демократическое государство. Однако традиционные формы банкротства, к которым мы относим, во-первых, реабилитационную процедуру с реализацией плана восстановления платежеспособности и, во-вторых, некоторый аналог конкурсного производства для тех, чья платежеспособность не может быть восстановлена, уже не решают те задачи, которые ставят современные условия жизни. Эти процедуры были выработаны в банкротстве предпринимателей, рассчитывались на индивидуальный подход, и в эпоху нового масштаба перекредитованности оказываются несоответствующими уровню проблемы. Не случайно в двухтысячных годах практически все развитые правовые системы — от Англии до Швеции, если брать алфавитный порядок, — существенно меняли или создавали заново систему потреби-

²⁸ См. отчет: *A Pound of Flesh. The Criminalization of Private Debt*. <https://www.aclu.org/report/poundflesh-criminalization-private-debt>.

²⁹ См., например, <https://fedresurs.ru/news/ce0f662f-70a8-4e9c-afb0-293e87bd4232?attempt=1>, <https://www.rbc.ru/finances/26/11/2019/5ddcfcea9a794731778589c8>

тельского банкротства. В то же время развитие законодательства о банкротстве граждан, в отличие от корпоративного банкротства, где общий тренд — воспроизведение в той или иной степени Главы 11 Банкротного Кодекса США, идет в основном путем проб и ошибок, индивидуальных для каждого отдельного государства. Английский исследователь потребительского банкротства, Иэн Рэмси, отмечает, что пока нет страны, заинтересованной в «интернационализации» своего права банкротства частных лиц, а само развитие банкротства граждан складывается на основании отдельных нарративов разных групп лиц, которые в силу своей природы отражают реальность лишь ограниченно, а порой и искаженно³⁰.

Чтобы разобраться в этом массиве разнообразных подходов к банкротству граждан, попробуем воспользоваться методологией, предложенной современным немецким исследователем, Яном-Окко Хойером. Он подразделяет все современные модели банкротства граждан на **модель ответственности** /liability model/ (применяется в Австрии и Германии, предполагает ответственность несостоятельного перед кредиторами), **модель милосердия или прощения** /mercy model/ (применяется во Франции и странах Скандинавии, основная идея — государственные органы с широким кругом полномочий определяют, к какому конкретному гражданину в каком объеме применяется механизм освобождения от долгов), **рыночную модель** /market model/ (применяется

³⁰ Ramsay Iain. *Personal Insolvency In the 21st Century: A Comparative Analysis of the US and Europe*. Oregon. 2017. Chapter 1.III.

в США и Канаде, подразумевает быстрое освобождение должника от обязательств и возвращение его на рынок кредитования с перенесением основных рисков на кредиторов) и **модель ограничений** /restrictions model/ (применяется в Англии, Австралии, Новой Зеландии, похожа на рыночную модель, но с ограничениями для должников в качестве механизма защиты общественных интересов).

Вероятно, это не бесспорная методология — сразу на себя обращает внимание отсутствие четкого единого критерия классификации, а также значительное сходство двух моделей (*рыночной и модели ограничений*). Тем не менее, на наш взгляд, имеет смысл выяснить место российского подхода в данной системе координат: это не только позволит лучше понять его специфику (какая специфика, безусловно, присутствует), но и даст возможность предметно поговорить о путях дальнейшего развития института банкротства граждан в России.

ГЕРМАНИЯ: МОДЕЛЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

По мнению доктора Яна-Окко Хойера Германия относится к государствам, институт личной несостоятельности которых основан на так называемой *модели ответственности*, что предполагает наличие двух критериев: во-первых, подчеркивается ответственность должника за выполнение обязательств (а не ответственность кредиторов за принятие решений о кредитовании), а во-вторых, в качестве основной цели провозглашается увеличение выплат кредиторам³¹.

Опираясь на положения немецкого законодательства о несостоятельности и статистические данные, мы можем не только подтвердить этот вывод, но и сделать некоторые выводы касательно результатов использования подобной модели и ее дальнейших перспектив развития.

Закон Германии о несостоятельности (Insolvenzordnung, InsO) 1994 года в русскоязычных текстах упоминается и как Положение, и как Порядок, и как Кодекс о несостоятельности³². Однако, исходя из того, что в немецкой правовой традиции кодексы обычно именовались иначе³³, а употребление терминов «положение» и «порядок» в контексте законодательного акта может несколько запутать

³¹ См. статью Я.-О. Хойера в настоящем издании.

³² Несостоятельность (банкротство). Учебный курс /под ред. С. А. Карелиной/. – М., 2019. – Т. 2. – С. 798.

³³ Например, *Strafgesetzbuch* – уголовный кодекс, *Bürgerliches Gesetzbuch* – гражданский кодекс и т.д.

российского читателя, здесь и далее мы будем употреблять слово Закон или аббревиатуру InsO.

В соответствии с § 11 InsO каждое физическое лицо может быть признано несостоятельным. Процедура несостоятельности потребителя (*Verbraucherinsolvenzfahren*) регулируется параграфами 304–311 InsO.

При этом интересно, что согласно § 1 InsO: «Целью производства по делу о несостоятельности является коллективное удовлетворение требований кредиторов должника путем реализации активов должника и распределения выручки или путем заключения договоренности в рамках плана несостоятельности, в частности, для поддержания предприятия. Добросовестному должнику предоставляется возможность освободиться от оставшихся обязательств».

Следовательно, ключевой задачей процедуры банкротства законодатель видит именно удовлетворение требований кредиторов, а не освобождение должника от обязательств, которое в данном случае является скорее опцией, чем основной целью регулирования³⁴.

Помимо грамматического толкования первого параграфа InsO, к такому выводу нас приводит и системный анализ норм немецкого Закона о несостоятельности, в частности: достаточно долгий срок, предусмотренный для освобождения

³⁴ Справедливости ради нужно отметить, что некоторые авторы придерживаются прямо противоположного мнения, хотя и не приводят в пользу своей позиции подробной аргументации. См., например, Henning | Lackmann | Rein, *Privatinsolvenz, Insolvenzverfahren mit Restschuldbefreiung*, 2020, 1494 Seiten, gebunden, ISBN 978-3-8487-4643-9, p.22.

должника от неисполненных обязательств (6 лет, § 287 InsO), наличие минимальной суммы погашения требований кредиторов для сокращения данного срока до трех лет (35% требований, § 300 InsO), а также широкие возможности для кредитора «торпедировать» предложенный должником план урегулирования задолженности как на досудебной стадии, так и после подачи должником соответствующего заявления в суд (§ 307–309 InsO)³⁵.

Что касается второго критерия модели ответственности по Хойеру, а именно, критерия ответственности должника за выполнение обязательств, то он находит свое отражение в § 287b InsO, устанавливающим своеобразную трудовую повинность, т. е. обязанность должника трудоустроиться и не отказываться от любой разумной работы в течение срока, необходимого для освобождения от обязательств (иногда этот срок еще называют «Wohlverhaltensperiode» — «периодом добросовестного поведения», однако данный термин не является официальным).

Таким образом, правовое регулирование личного банкротства в Германии действительно характеризуется серьезным креном в сторону кредиторов, но сам по себе этот факт является нейтральным и не говорит о степени эффективности института *per se*. Представляется, что в данном случае целесообразно обратить внимание на статистику в разрезе двух ключевых показателей: динамики численности процедур личной

³⁵ Для обозначения кредиторов, выступающих против внесудебного урегулирования задолженности, в Германии даже существует специальный термин – *die Akkordstörer*.

несостоятельности и доли погашаемой задолженности кредиторов.

По данным портала Statista количество процедур личной несостоятельности в Германии с 2010 года неуклонно снижается³⁶. Если в 2010 году их было более 139 тыс. штук, то в 2019 году количество банкротств граждан сократилось на 37,5% и составило около 87 тыс. штук. При этом важно, что в 80–90% этих процедур кредиторы вообще не получают погашения задолженности³⁷.

Вряд ли эти цифры можно объяснить неким «экономическим чудом», которое обеспечило немецким гражданам всеобщее благоденствие, поскольку степень закредитованности населения за исследуемый период даже несколько выросла, и в 2019 году уже около 8,9 млн немцев испытывали проблемы с обслуживанием кредитов³⁸.

Поэтому куда более вероятной причиной снижения количества процедур несостоятельности видится отсутствие интереса у самих должников. Как уже было показано выше, они достаточно долго «воспитываются» государством, в течение 6 лет работая даже не для погашения задолженно-

сти перед кредиторами, а для обслуживания процедуры как таковой³⁹.

При этом в течение прошедших десяти лет законодатель не вносил никаких изменений, которые могли бы сделать процедуру банкротства чуть более комфортной для должника. Наоборот, по сути, единственной новеллой стало увеличение в 2013 году квоты погашения задолженности для досрочного освобождения от обязательств с 25% до 35% (интересно, что изначально планировалось как раз снизить квоту, чтобы поддержать предпринимателей, но вместо этого все закончилось принятием абсолютно противоположного решения). Закономерным итогом подобного нововведения стало то, что по подсчетам Федерального правительства лишь 0,78% из 68240 граждан смогли достигнуть ускоренного освобождения от обязательств⁴⁰.

Таким образом, результатом многолетнего функционирования модели *ответственности* стало отнюдь не укрепление платежной дисциплины и не увеличение эффективности процедуры банкротства, а своеобразный феномен уклонения немцев от использования института личного банкротства.

³⁶ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/150565/umfrage/privatinsolvenzen-in-deutschland-seit-2000/>

³⁷ Heuer J.-O. Hurdles to debt relief for “no income no assets” debtors in Germany: A case study of failed consumer bankruptcy law reforms. *Int Insolv Rev.* 2020;1–33. <https://doi.org/10.1002/iir.1359>

³⁸ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/166338/umfrage/anzahl-der-schuldner-in-deutschland-seit-2004/#:~:text=Zum%20Stichtag%201.%20Oktober%202019,dieser%20%C3%BCberschuldeten%20Personen%20sind%20M%C3%A4nner>

³⁹ По некоторым оценкам расходы на процедуру в Германии составляют как минимум 2000 евро. См., например, Heuer J.-O. Hurdles to debt relief for “no income no assets” debtors in Germany: A case study of failed consumer bankruptcy law reforms. *Int Insolv Rev.* 2020;1–33. <https://doi.org/10.1002/iir.1359>

⁴⁰ См. подробнее *Unterrichtung durch die Bundesregierung: Bericht der Bundesregierung über die Wirkungen des Gesetzes zur Verkürzung des Restschuldbefreiungsverfahrens und zur Stärkung der Gläubigerrechte*, BT 19/4000.

Однако в декабре 2020 года наконец произошли долгожданные изменения, причем пандемия COVID-19 стала одним из факторов, ускоривших процесс подготовки и принятия законодательных новелл в сфере потребительского банкротства⁴¹.

В первую очередь речь идет об уменьшении периода добросовестного поведения с шести до трех лет, что было предписано еще Директивой (ЕС) 2019/1023 Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 года, в рамках которой государства-участники обязаны были обеспечить возможность освобождения от обязательств несостоятельных предпринимателей в период, не превышающий три года с момента старта соответствующей процедуры⁴².

Также поправки затронули ряд менее значительных аспектов потребительского банкротства, например, должники теперь не обязаны будут отдавать управляющему «случайные подарки»⁴³, а срок действия свидетельства о невозможности погашения задолженности в рамках досудебного урегулирования продлевается с 6 до 12 месяцев на период с 31.12.2020 до 30.06.2021.

⁴¹ Соответствующий законодательный акт был опубликован в Вестнике федеральных законов за 2020 год, часть I, № 67, от 30.12.2020.

⁴² DIRECTIVE (EU) 2019/1023 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning restructuring, insolvency and discharge of debt, and amending Directive (EU) 2017/1132 (Directive on restructuring and insolvency).

⁴³ Обычно под такими подарками понимаются небольшие презенты, получаемые по стандартным поводам (Рождество, причастие, день рождения и т.д.)

На наш взгляд, указанные изменения делают процедуру личной несостоятельности психологически более комфортной для граждан, позволяют предпринимателям быстрее возвращаться к экономически-активной жизни, а кредиторам сокращать резервы по «плохим» долгам.

Порядок проведения процедуры личного банкротства в Германии

В настоящее время процесс урегулирования чрезмерной задолженности граждан в Германии выглядит следующим образом⁴⁴.

Первый этап — попытка внесудебного урегулирования долга, в рамках которого должнику необходимо подготовить план погашения задолженности (Schuldenbereitsungsplan). Составление такого плана требует профессиональной помощи, поэтому должник предварительно проходит консультирование по вопросам долга (Schuldnerberatung) у компетентных специалистов, в качестве которых могут выступить адвокаты или, например, специальные консультационные службы по вопросам долга, обычно финансируемые за счет бюджета федеральных земель.

Если представленный план одобряется кредиторами, то должник подписывает с ними соглашение и приступает к реализации плана, поступательно уменьшая свою задолженность. Однако зачастую кредиторы не согласны с предложенным планом или не готовы приостановить взыскание. В этом случае должник получает

⁴⁴ Информация актуальна на 05.03.2021 г.

Знаменитые должники

Борис Беккер (Boris Becker)

В 17 лет он стал самым молодым победителем Уимблдона, выиграл шесть турниров Большого шлема, золото Олимпиады и Кубок Дэвиса (дважды), после чего вошел в Международный зал теннисной славы. Но, даже завершив профессиональную спортивную карьеру, немецкий теннисист остался в центре внимания фанатов и прессы, благодаря своей бурной личной жизни и финансовым неурядицам.

Скандалная связь Беккера и россиянки Анжели Ермаковой, а также развод с моделью Барбарой Фельтус в начале 2000-х годов стоили бывшей первой ракетке мира нескольких десятков миллионов долларов. Кроме того, в 2002 году он был осужден условно, а также оштрафован немецким судом на 500 000 евро за уклонение от уплаты налогов.

Однако наибольший урон благосостоянию Беккера принесли неудачные инвестиционные решения, в результате которых один из кредиторов (частный банк Arbuthnot Latham & Co) в конце концов инициировал банкротство теннисиста в Лондоне. Думаете Борис Беккер послушно прошел через процедуру несостоятельности, освободился от задолженности и ушел на покой? Конечно же, нет! Судебное разбирательство длится уже более трех лет, а должник не дает скучать ни английскому суду, ни кредиторам.

у вышеупомянутых специалистов свидетельство о невозможности погашения задолженности в рамках досудебного урегулирования и переходит ко второму этапу — подаче заявления о несостоятельности в суд и открытию процедуры несостоятельности⁴⁵.

В рамках судебной процедуры предпринимается еще одна попытка урегулирования задолженности в соответствии с предлагаемым должником планом. Кредиторам дается месяц на предоставление возражений, при отсутствии каких-либо план утверждается судом. Важно, что суд имеет право утвердить план урегулирования даже в случае наличия возражения некоторых кредиторов, воспользовавшись механизмом «замены согласия» (*Ersetzung der Zustimmung*)⁴⁶. Это возможно при согласии с планом более половины всех кредиторов, сумма требований которых превышает половину общего реестра требований.

Если план не утвержден, то открывается производство по делу о банкротстве, в рамках которого назначается арбитражный управляющий и реализуется имущество. В случае если после продажи активов задолженность не погашается полностью, наступает вышеупомянутый трехлетний период добросовестного поведения, по завершении которого должник освобождается от неисполненной части обязательств.

⁴⁵ Такая справка должна быть выдана не ранее, чем за 6 месяцев до подачи заявления должника в суд (§305 InsO).

⁴⁶ § 309 InsO

Так, например, в 2018 году Беккер заявил, что назначен правительством Центральноафриканской республики атташе по спорту и гуманитарным вопросам, а значит, обладает дипломатическим иммунитетом от судебного преследования. Правда, на суд эти доводы не произвели должного впечатления, а чиновники Центральноафриканской республики вообще затруднились подтвердить факт наличия подобной должности.

Более того, в 2019 году Беккеру было предъявлено 19 обвинений в сокрытии активов, включая квартиру в Лондоне, недвижимость в Германии и большую сумму наличных. Если факт сокрытия имущества будет доказан, должнику грозит тюремное заключение на срок до семи лет.

Отдельные претензии к знаменитому спортсмену касаются сокрытия трофеев и медалей, которые теоретически могли бы быть реализованы для погашения его задолженности. Также Беккер несанкционированно переводил денежные суммы своим бывшим женам.

Чем закончится банкротство, пока не известно, но ясно одно: Борис Беккер не собирается сдаваться, а это значит, что нас ждет продолжение увлекательного сериала о жизни легендарного теннисиста, тренера и спортивного комментатора!

Антон Шлекер (Anton Schlecker)

Мясник из небольшого немецкого города Эхинген открыл свою первую аптеку в далеком 1975 году. Спустя два года количество аптек Анто-

на Шлекера достигло 100, а в 2003 году их насчитывалось уже более 13 000 во всей Европе.

В 1987 году Германию потрясла история с похищением детей Шлекера — Ларса и Мейке. Преступники потребовали выкуп в 18 млн марок, но Антон Шлекер сумел уговорить их снизить цену до 9,6 млн марок — точной суммы, которую предусматривала его страховка. После получения выкупа преступники скрылись, а на следующий день дети самостоятельно смогли освободиться и сбежать из рыбацкой хижины, где их держали похитители. Как показали дальнейшие события, отец с детьми всегда были близки — и в хорошие времена, и в плохие.

Миллиардер (по оценкам Forbes в 2011 году состояние Шлекера превысило 3 млрд долларов) управлял аптечной империей железной рукой, особенно когда дело касалось расходов на ведение бизнеса, однако подобный сверхэкономный стиль управления в конце концов привел к самым негативным последствиям. Так, например, в 1998 году было установлено, что Шлекер платил своим работникам пониженную заработную плату, за что и был приговорен к 10 месяцам лишения свободы условно, а также оштрафован на 1 млн евро. Но основная проблема заключалась в том, что Шлекер не вкладывал деньги в модернизацию своих аптек. Это естественным образом привело к уменьшению потока клиентов, а также проигрышу сети Schlecker основному конкуренту — аптечной сети Rossmann.

При этом удивительно, что весь масштабный бизнес был оформлен на Антона Шлекера как индивидуального предпринимателя! Его банкротство началось в 2012 году, к тому моменту более 24 000 сотрудников остались без работы, а долги перед кредиторами достигли миллиарда евро.

Однако это было лишь началом неприятностей для Антона Шлекера и его семьи. Выяснилось, что «Король аптек» был прекрасно осведомлен о плачевном состоянии бизнеса задолго до банкротства, после чего предпринял ряд действий по выводу активов на аффилированных лиц. Дорогостоящие подарки родственникам, а также перевод 7 млн евро из аптечной сети на подконтрольную Ларсу и Мейке компанию LDG Logistik послужили основанием для масштабного расследования. После его завершения в 2017 году суд приговорил Антона Шлекера к двум годам лишения свободы условно, а детей бизнесмена к 2,7 годам реального тюремного срока за целый букет правонарушений: злоупотребление доверием, подстрекательство к банкротству, пособничество банкротству и др.

Несмотря на то, что 77-летний глава семьи отделался условным сроком, подобный приговор суда, по сути, поставил крест на его возможности списать долги в рамках банкротства, т. к. в соответствии с немецким законодательством в погашении остаточной задолженности может быть отказано судом, если должник приговорен к заключению на срок более трех месяцев за нарушения, связанные с банкротством.

ФРАНЦИЯ: МОДЕЛЬ МИЛОСЕРДИЯ

Французский писатель, журналист и драматург Тристан Бернар, славившийся своими афоризмами, как-то посетовал, что «мы даем в долг только богатым, и мы правы, потому что другим вернуть долг тяжело»⁴⁷. Возможно, такое положение дел было актуально в эпоху жизни самого Бернара, но ситуация во Франции сильно изменилась в 1980-х, когда правительство социалистов взяло курс на либерализацию в финансовом секторе и, в частности, смягчило контроль за кредитованием.

Подобная политика в сочетании с ростом безработицы привела к существенному повышению закредитованности французских домохозяйств, у которых соотношение уровня задолженности к уровню дохода⁴⁸ в 1989 году составило 47%⁴⁹. Таким образом, к тому времени банки уже активно кредитовали как раз небогатых людей, однако ситуация с погашением задолженности продолжала оставаться тяжелой.

В силу сложившегося положения государство вынуждено было принять меры, в рамках которых, помимо модернизации законодательства, регули-

⁴⁷ *Кстати, более известна другая цитата Тристана Бернара из сферы кредитно-долговых отношений: «Банкротство – это когда кредиторы хватают вашу куртку, а вы кладете деньги в карман брюк».*

⁴⁸ *Debt-to-income ratio (DTI).*

⁴⁹ *Ramsay, I. (2012). A Tale of Two Debtors: Responding to the Shock of Over-Indebtedness in France and England - a Story from the Trente Piteuses. The Modern Law Review, 75(2), 212–248. doi:10.1111/j.1468-2230.2012.00897.x*

рующего ростовщичество, были созданы «Комиссии по рассмотрению чрезмерной задолженности физических лиц» (*Une commission d'examen des situations de surendettement des particuliers*)⁵⁰ и публичная национальная Картотека инцидентов по выплате личных кредитов (*Le Fichier National des Incidents de remboursement des Crédits aux Particuliers, FICP*)⁵¹.

Конечно, предпринятые шаги носили паллиативный характер, поскольку указанные нововведения не предполагали освобождения должников от обязательств: комиссии были предназначены в первую очередь для урегулирования задолженности в рамках переговоров и утверждения плана выплат, причем более 70% должников были попросту не в состоянии осуществлять предусмотренные планом платежи⁵².

Поэтому логично, что после «закона Нейерц» стартовала череда законодательных актов, которые видоизменяли как саму деятельность комиссий, так и степень вовлеченности суда в урегулирование задолженности граждан. Сначала, в 1995 году, предусматривается трехступенчатая процедура, состоящая из нескольких этапов:

⁵⁰ *Loi n°89-1010 du 31 décembre 1989 relative à la prévention et au règlement des difficultés liées au surendettement des particuliers et des familles* (Закон о предотвращении и разрешении трудностей, связанных с чрезмерной задолженностью отдельных лиц и семей n° 89-1010 от 31.12.1989, т.н. «закон Нейерц»).

⁵¹ *FICP по функционалу напоминает российское бюро кредитных историй. Находится в ведении Банка Франции.*

⁵² *Ramsay, I. (2012). A Tale of Two Debtors: Responding to the Shock of Over-Indebtedness in France and England - a Story from the Trente Piteuses. The Modern Law Review, 75(2), 212–248. doi:10.1111/j.1468-2230.2012.00897.x*

добровольное урегулирование задолженности, рекомендации комиссии для погашения долга, а также контроль судьи за исполнением решения комиссии⁵³. Далее, в 1998 году, у комиссий появляется возможность вводить мораторий исполнения должником обязательств на срок до трех лет, после чего комиссия могла рекомендовать полное или частичное списание задолженности (при этом ни мораторий, ни списание не распространялись на налоговые и алиментные платежи)⁵⁴. В 2000 году становится возможным полное списание долгов по решению суда по аналогии с задолженностью предпринимателей⁵⁵, в 2005 году устанавливается приоритетное исполнение обязательств в пользу арендодателей перед кредитными организациями⁵⁶, а в 2008 году преимущества процедуры личного банкротства распространяются в т. ч. на добросовестных поручителей по обязательствам компаний⁵⁷.

Наконец, в период с 2010 по 2020 год во Франции было принято еще несколько важных нормативных актов в сфере борьбы с чрезмерной долговой нагрузкой потребителей. Так, «Закон Лагард» в 2010 году реформировал потребительское кредитование, снизил максимальную про-

⁵³ *Loi n° 95-125 du 8 février 1995 relative à l'organisation des juridictions et à la procédure civile, pénale et administrative.*

⁵⁴ *Loi n° 98-657 du 28 juillet 1998 d'orientation relative à la lutte contre les exclusions.*

⁵⁵ *Loi n° 2003-710 du 1 août 2003 d'orientation et de programmation pour la ville et la rénovation urbaine.*

⁵⁶ *Loi n° 2005-32 du 18 janvier 2005 de programmation pour la cohésion sociale.*

⁵⁷ *Loi n° 2008-776 du 4 août 2008 de modernisation de l'économie.*

должительность плана реструктуризации с 10 до 8 лет, а срок существования записи в FICP с 8 до 5 лет⁵⁸. В 2013 году законом предусматривается возможность для несостоятельных должников получить индивидуальную жилищную помощь, а срок моратория на принудительное взыскание кредиторами до момента старта урегулирования повышается с одного года до двух лет⁵⁹. В 2014 году был еще более сокращен максимальный срок действия плана реструктуризации: с 8 до 7 лет⁶⁰. В 2016 году закон под названием «Правосудие 21» устранил необходимость судебного одобрения мер, предлагаемых комиссиями, а также увеличил сроки их обжалования⁶¹. В том же году законодатели ограничили применение процедуры мирного урегулирования только делами, в которых у должника имеется недвижимость, а также предусмотрели, что утверждение планов реструктуризации при отсутствии реакции кредиторов происходит в течение 30 дней с момента уведомления⁶².

Столь подробное описание развития института потребительского банкротства во Франции призвано продемонстрировать, что в стране целенаправленно формировалась уникальная система, в рамках которой возможность освобождения

⁵⁸ *Loi n° 2010-737 du 1er juillet 2010 portant réforme du crédit à la consommation.*

⁵⁹ *Loi n° 2013-672 du 26 juillet 2013 de séparation et de régulation des activités bancaires.*

⁶⁰ *Loi n° 2014-344 du 17 mars 2014 relative à la consommation.*

⁶¹ *Loi n° 2016-1547 du 18 novembre 2016 de modernisation de la justice du XXIe siècle.*

⁶² *Loi n° 2016-1691 du 9 décembre 2016 relative à la transparence, à la lutte contre la corruption et à la modernisation de la vie économique.*

должников от обязательств существует, но подчинена воле внесудебных органов с очень широкими полномочиями — Комиссий по рассмотрению чрезмерной задолженности физических лиц. Именно поэтому исследователи называют такую систему «*моделью милосердия*»⁶³.

Все эти усилия, согласно отчету Банка Франции, в период с 2011 по 2019 год привели к снижению чрезмерной задолженности граждан на 43%, а также снижению общей суммы потребительского долга в делах о чрезмерной задолженности на 47% (минус 2 млрд евро)⁶⁴.

Порядок проведения процедуры личного банкротства

В настоящее время процесс урегулирования чрезмерной задолженности граждан во Франции выглядит следующим образом⁶⁵. После получения от должника заявления о чрезмерной задолженности (*dossier de surendettement*)⁶⁶ у Комиссии по рассмотрению чрезмерной задолженности физических лиц есть три месяца на рассмотрение его обоснованности и принятие решения о дальнейших действиях. В случае признания заявления обоснованным, Комиссия информирует об этом

⁶³ *См. статью Я.-О. Хойера в настоящем издании.*

⁶⁴ *См.: https://particuliers.banque-france.fr/sites/default/files/media/2020/02/20/bdf_surendettement_30_ans_20200220.pdf*

⁶⁵ *Информация актуальна на 05.11.2020 г.*

⁶⁶ *Форму заявления и порядок его заполнения можно найти на официальном сайте Банка Франции (<https://particuliers.banque-france.fr/surendettement/deposer-un-dossier-de-surendettement>), а само заявление подается в отделение Банка Франции при соответствующем департаменте.*

должника, а также кредиторов, после чего действует в соответствии с одним из следующих основных сценариев.

1. Если должник способен урегулировать задолженность полностью или частично, а также является собственником недвижимого имущества, то Комиссия может рекомендовать т. н. *обычный план восстановления* (plan conventionnel de redressement). Этот план может предусматривать минимальный лимит ежемесячных расходов для должника, снижение процентных ставок, отсрочку выплат и т. д. Максимальный срок плана составляет семь лет, но может быть увеличен, если жилье является для должника единственным и есть шанс для его сохранения. Важно, что план должен быть единогласно утвержден должником и всеми кредиторами, у которых есть 30 дней на предъявление своих возражений.

2. В случае неудачи обычного плана восстановления либо отсутствия недвижимости у должника, Комиссия может предусмотреть специальные меры для урегулирования задолженности, такие как, например, мораторий исполнения определенных обязательств сроком до двух лет, снижение ставок и платежей, частичное списание задолженности и т. п. Общий срок действия предложенных Комиссией мер также ограничен семью годами, но может быть и более длительным, если такие меры позволят должнику сохранить единственное жилье (L.733-3 du Code de la consommation). При этом, как уже было упомянуто выше, закон о модернизации правосудия в XXI

веке от 16.11.2016 года отменил необходимость утверждения предложенных Комиссиями мер со стороны судов, начиная с 2018 года.

3. Когда Комиссия считает погашение долга невозможным ввиду чрезвычайной тяжести положения должника (в терминологии Кодекса потребителей — «непоправимо скомпрометированная ситуация», une situation irrémédiablement compromise), она инициирует процедуру освобождения должника от обязательств. При этом у комиссии есть две ключевые опции: (1) освобождение от обязательств без реализации активов и (2) освобождение обязательств с реализацией активов должника под контролем суда.

В первом случае решение Комиссии может быть обжаловано кредиторами в течение двух месяцев после публикации (R.741-2 du Code de la consommation), но если спора нет, то никакого дополнительного утверждения со стороны суда не требуется и долги автоматически списываются. Во втором случае имущество уходит с торгов, и только после этого суд выносит решение об освобождении должника от непогашенной части обязательств. Интересно, что имущество должника может быть реализовано исключительно с его согласия, при отсутствии же такового Комиссия возвращается к рассмотрению возможностей использования плана восстановления или специальных мер по урегулированию задолженности (L.741-2 du Code de la consommation).

Знаменитые должники

Бернар Тапи (Bernard Tapie)

Этот человек, кажется, успел в жизни все. Автогонщик, успешный бизнесмен, легендарный спортивный менеджер, политик, певец и актер, — с одной стороны. Обвиняемый в коррупционных скандалах, участник громких судебных процессов, банкрот, приговоренный к тюремному заключению, с другой стороны.

Его бизнес начинался с продажи телевизоров, затем была компания по производству здорового питания, после была основана финансовая компания, а вершиной успеха Тапи стало приобретение 80% акций Adidas.

Как спортивный менеджер Тапи добился еще более выдающихся результатов: его футбольный клуб «Олимпик Марсель» 5 раз стал чемпионом Франции, а затем выиграл Лигу Чемпионов. Прославилась и его велосипедная команда La Vie Claire, объединившая топовых французских велогонщиков того времени.

И все это, не считая таких «мелочей», как министерские посты в правительстве, членство в парламенте, участие в телевизионных шоу, игра в театре и музыкальные записи.

Черная полоса Бернара Тапи началась в 1993 году, когда его обвинили в организации договорных матчей. Затем последовали обвинения в коррупции и давлении на свидетелей, закончившиеся приговором и двумя годами заключения. После

этого — многолетняя тяжба с государственным банком *Crédit Lyonnais*, противоречивые судебные решения, выплаты компенсаций, обвинение в уклонении от уплаты налогов и банкротство...

Сегодня неутомимый Бернар Тапи продолжает бороться, на этот раз против рака желудка. Пожелаем ему удачи!

Мольер (Jean-Baptiste Poquelin)

Великий драматург, а по совместительству актер, антрепренер, и еще — по образованию — профессиональный юрист, не раз бывал заключен в долговую тюрьму.

Это случалось с ним в сравнительно молодом возрасте, например, впервые он отправился в парижскую тюрьму для несостоятельных должников Сан-Пелажи, когда ему было всего 23 года. Однако в отличие от многих Мольер не тратил деньги на роскошь и не злоупотреблял доверием кредиторов. Причиной его финансовых неурядиц служил «Блистательный театр» — проект, который съедал массу денег, но практически не приносил прибыли.

До поры до времени Мольеру помогал его отец, бывший камердинером и придворным мастером по обивке мебели памятного нам по «Трем мушкетерам» короля Луи XII, однако долго так продолжаться не могло. В итоге Мольер решил изменить свой подход к театральной деятельности: во-первых, он переехал с театром в провинцию, а во-вторых, начал писать пьесы самостоятельно, став наиболее выдающимся французским драма-

тургом. Так несостоятельность и долговая тюрьма в чем-то помогли раскрыться мольтеровскому гению.

США: РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ

США считаются классическим примером развития доктрины “fresh start” в законодательстве о несостоятельности. Главная цель банкротства гражданина в США — оперативно освободить его от долгов для того, чтобы предоставить ему возможность начать новую хозяйственную жизнь, а обществу вернуть экономически активного гражданина. Это дает основание для отнесения американского законодательства о банкротстве к *рыночной модели* — приоритет имеют хозяйственные интересы общества в целом.

Банкротный кодекс США 1978 года предусматривает две основные схемы банкротства граждан: механизмы Главы 7 (Liquidation, аналог конкурсного производства) и Главы 13 (Adjustment Of Debts Of An Individual With Regular Income, реабилитационная процедура урегулирования долгов гражданина, имеющего регулярные доходы)⁶⁷.

Базовая идея банкротства по Главе 7 нередко характеризуется фразой «ключи на стол» (keys on the table): имущество должника за установленными законом изъятиями продается, а вырученные денежные средства распределяются между кредиторами, после чего следует освобождение от долгов. Правда, из общего правила об освобождении есть 12 исключений (§ 727 Кодекса), но они каса-

⁶⁷ В 2005 году Законом о предотвращении злоупотреблений в банкротстве и защите потребителей — Bankruptcy Abuse Prevention and Consumer Protection Act (BAPCPA) в него были внесены очень серьезные изменения именно в части несостоятельности граждан.

ются главным образом случаев недобросовестного поведения должника.

Общий принцип Главы 13 — выплата части задолженности кредиторам по определенному плану (payment plan). Гражданин, в отношении которого проводится процедура по Главе 13, полностью или частично выплачивает задолженность согласно плану в течение трех–пяти лет, при этом его имущество не подлежит принудительной продаже. Гибкость механизма Главы 13 состоит в том, что обеспеченные залогом обязательства (как правило, это ипотечные кредиты) исполняются в обычном режиме, а вот необеспеченным кредиторам достанется лишь часть (сколько именно, будет установлено утвержденным судом планом, § 1325a Кодекса).

Для гражданина, который проходит процедуру банкротства, режимы Главы 7 и Главы 13 отличаются тремя основными моментами: продажа имущества (есть в Главе 7, нет в Главе 13), внесение ежемесячных платежей кредиторам (нет в Главе 7, есть в Главе 13), срок процедуры (4–6 месяцев по Главе 7, 3–5 лет по Главе 13).

Но характерно то, что у гражданина не так много возможностей выбирать между Главами 7 и 13; они были значительно сокращены упомянутым выше законом 2005 года — ВАРСРА.

Согласно § 707b Банкротного кодекса США, суд может (и, скорее всего, сделает это на практике) отказать в применении режима банкротства по Главе 7, если доход должника превышает определенный уровень (т. н. means test). Конечно, это

очень сильное упрощение с нашей стороны, правила § 707b очень подробные и достаточно сложно структурированы, но их серьезный анализ потребовал бы формата отдельного исследования статьи. Упрощенно можно сказать, что для должников категории NINA (нет доходов, нет активов — no income, no assets) предназначена ликвидационная процедура Главы 7, а для должников, имеющих доходы и активы, — реабилитационная процедура Главы 13. Стоит заметить, что в США нет внесудебного банкротства, все процедуры проводятся специальными банкротными судами. Хотя идея внесудебного банкротства малоимущих граждан была популярна там еще в 70-е годы XX века, такой подход слишком расходился с американской правовой традицией и показался большинству специалистов неправомерным, — кредиторы не должны лишаться имущества без суда.

На практике многие американские граждане используют механизмы банкротства для освобождения от обязательств. По официальной статистике, которая в США ведется судебной системой⁶⁸, в 2019 году было подано всего 733 тысячи заявлений о потребительском банкротстве, и примерно столько же дел (764 тысячи) было завершено. Из них 62% — это дела по Главе 7, 37% — по Главе 13 (есть также небольшая доля производств по Главе 11)⁶⁹.

Важно при этом, сколько из обратившихся к банкротству должников получили освобожде-

⁶⁸ <https://www.uscourts.gov/statistics-reports/bapcpa-report-2019>.

⁶⁹ https://www.uscourts.gov/sites/default/files/bapcpa_alltables_1231.2019.pdf.

ние от обязательств. Судя по данным официальной статистики⁷⁰, освобождаются от обязательств все граждане, воспользовавшиеся услугами Главы 7, кроме тех, кто заключил т. н. reaffirmation agreements — своеобразные аналоги мировых соглашений (их подписывается всего около 200 в год). Из завершенных дел по Главе 13 (281 тыс.) в 2019 году освобождена от обязательств 121 тыс. человек, т. е. примерно 43%.

На практике к реализации американской модели предъявляются серьезные претензии. Так, в литературе утверждается, например, что в течение одного года после завершения процедуры банкротства по Главе 7 каждый четвертый должник с трудом платит обычные долги, и каждый третий должник находится в той же ситуации, что и до банкротства⁷¹. Таким образом, “fresh start” помогает далеко не всем нуждающимся. Критике подвергается и утверждение, что посредством такого широкого подхода к банкротству создаются стимулы для предпринимательской деятельности, — обратная сторона в том, что он поощряет авантюризм и безответственность среди граждан. Так считает, например, Всемирный банк, который указывает, что подобный подход стимулирует должников к аморальному и безответственному (immoral and irresponsible) поведению как в части принятия на себя большего объема обязательств,

⁷⁰ <https://www.uscourts.gov/statistics-reports/bankruptcy-abuse-prevention-and-consumer-protection-act-2019>

⁷¹ См. статью К. Porter (юриста) и D. Thorne (социолога) с красноречивым названием «The Failure of Bankruptcy's Fresh Start». 2006. Cornell Law Review. Vol. 92. Issue 1.

чем они могут исполнить, так и при отказе от принятых обязательств, как только начинается процедура банкротства⁷².

Знаменитые должники

Марк Твен (Mark Twain)

«Среди тех, кто стал банкротом в 58 лет, 5% приводят дела в порядок. — Целых 5%!»

Марк Твен был многогранным человеком, и даже банкротство его компании — совсем не тривиальная история.

Книги Твена имели огромную популярность и приносили приличный доход. Что же привело его к финансовому краху? Ответ — неудержимая страсть к изобретательству и прогрессу. Он сам был автором нескольких изобретений (например, придумал прототип подтяжек для брюк, который, к сожалению, не имел коммерческого успеха) и активно вкладывал деньги в перспективные, на его взгляд, изобретения других. Твен инвестировал в новую модель телеграфа, железнодорожные проекты, новые страховые компании, — все без результата. Непосредственно перед банкротством размер его вложений составлял примерно 2 миллиона долларов на современные деньги.

⁷² World Bank. Report on the Treatment of Insolvency of Natural Persons. 2013. § 113. Этот доклад был подготовлен по заказу Всемирного банка группой авторитетных юристов, представителей академической науки, судей, представителей ЮНСИТРАЛ. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/17606/ACS68180WPOP120Box0382094B00PUBLIC0.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

А вот в компанию Белла он вложиться не рискнул, не поверив в будущее телефона, — и упустил свой шанс на быстрое обогащение (ближайший современный аналог этого — Apple, забавно, что и сфера у них одна и та же). Но главный проект, подорвавший платежеспособность Марка Твена, — это печатный станок, в котором скомбинированы и литейная, и наборная машины. Аналогов такого аппарата тогда не было, и одновременно сходными стартапами занималось несколько предпринимателей. Вот только Твен был перфекционистом и не хотел выпускать не самый совершенный вариант своего продукта. А в результате станок его фирмы состоял из 18 тысяч деталей и был очень сложен в эксплуатации. Конечно, коммерческого успеха он не имел.

А идея комбинированного станка в дальнейшем принесла значительные прибыли — вот только не Твену, а его конкурентам. Полезный урок и для современных инноваторов!

Все же банкротство Твена имело счастливый финал. В течение четырех лет он расплатился по долгам своей компании и снова стал состоятельным человеком.

Авраам Линкольн (Abraham Lincoln)

Когда мы упоминаем о банкротстве в контексте обсуждения президентов США, первая ассоциация — это весьма сомнительная практика банкротства бизнесов предыдущего президента Трампа. Но даже гораздо более ярким и знаме-

нитым президентам не было чуждо банкротство. Взять хотя бы Авраама Линкольна.

Известно, что Линкольн достаточно долго искал свое место в жизни, и в молодости перепробовал немало различных занятий. В частности, он работал в магазине, а когда тот закрылся, решил начать свой собственный торговый бизнес. Он открыл универсальный магазин в городке Нью Салем (Иллинойс) и купил в кредит товары из закрывающихся магазинов, рассчитывая заработать на их перепродаже. Но это ему сделать не удалось, Линкольн понес значительные убытки и в возрасте 24 лет был вынужден признать себя банкротом. Кредиторы забрали все сколько-нибудь ценное имущество будущего президента, в том числе, его лошадь. А сам Линкольн выплачивал долги целых 17 лет!

Любопытно, что если бы он банкротился по современной Главе 13 Банкротного кодекса США, платить пришлось бы всего пять лет, и, вероятно, Аврааму Линкольну удалось бы сохранить любимую лошадь.

Майк Тайсон (Michael Gerard Tyson)

Этот человек, пожалуй, не нуждается в представлении. Можно лишь уверенно сказать, что финансовые сложности, с которыми столкнулся Майк Тайсон, были такими же нокаутирующими, как и его удары.

На пике карьеры финансовое состояние абсолютного чемпиона мира и одного из самых высокооплачиваемых боксеров в истории оценивалось

в 400 млн долларов. Однако, как выяснилось, большую часть заработанных на ринге денег Тайсон не инвестировал, а тратил на вечеринки, покупку дорогих домов, шикарных автомобилей, золотых украшений и подарков друзьям. Он привык вести экстравагантный образ жизни, однажды даже купив себе для развлечения бенгальского тигра.

Неразумные расходы знаменитого боксера со временем существенно стали превышать доходы, и Майк Тайсон погряз в долгах, которые оценивались в 27 млн долларов. Так, например, задолженность чемпиона перед налоговыми органами превышала 17 млн долларов. Еще 10 млн долларов относились к личным расходам, включавшим, в частности, оплату услуг адвокатов, деньги, которые Тайсон должен был выплатить бывшей супруге (Монике Тернер) в связи с разводом, а также задолженность перед банками. Кроме того, по словам Тайсона, он потерял миллионы долларов из-за знаменитого промоутера боксерских поединков Дона Кинга.

Финансовые неурядицы сочетались с другими проблемами спортсмена, включавшими в себя тюремные сроки, разнообразные судебные тяжбы, а также наркотическую зависимость. Закономерным итогом стала подача «Железным» Майком в 2003 году заявления о несостоятельности.

После завершения процедуры банкротства «самый опасный человек на земле», судя по всему, сделал должные выводы и сумел взять собственные финансы под контроль. Тайсон активно снимается в кино, выступает в различных шоу,

а также изредка проводит поединки на радость любителям бокса во всем мире.

АНГЛИЯ: МОДЕЛЬ ОГРАНИЧЕНИЙ

В Англии действует несколько более сложная структура процедур несостоятельности, чем в США. Банкротство, в том числе потребительское, регулируется специальным законом о несостоятельности — Insolvency Act 1986 года⁷³ с последующими изменениями и дополнениями. В Англии есть традиционное банкротство граждан (bankruptcy, часть IX Закона) и реабилитационная процедура — добровольное соглашение для граждан (individual voluntary agreement — IVA, часть VIII Закона). Есть также упрощенный внесудебный порядок освобождения от долгов для малоимущих граждан (debt relief order — DRO, часть VIIa Закона), который сознательно не был назван банкротством, чтобы не «стигматизировать» его потенциальных адресатов⁷⁴.

Традиционное банкротство граждан в Англии в целом напоминает механизм Главы 7 в США, представляя собой вариант конкурсного производства. Активы должника подлежат продаже, а вырученные от продажи средства направляются на удовлетворение требований кредиторов. После этого суд освобождает должника от долгов, но освобождение может быть дано под условием, а также применяться сразу или после истечения определенного или наступления условия (Section 280). Процедура обычно занимает около

⁷³ <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/contents>.

⁷⁴ Ramsay Iain. *Towards an International Paradigm of Personal Insolvency Law? A Critical View*// QUT Law Review. 2017. Volume 17. Issue 1.

12 месяцев. Эти ограничения и большая продолжительность процедуры, в частности, отличают английскую модель ограничений от американской рыночной модели.

Реабилитационная процедура IVA — достаточно гибкий инструмент. Это соглашение между должником и кредиторами о полном или частичном исполнении обязательств в течение согласованного срока, причем это исполнение может быть осуществлено за счет продажи имущества или регулярных доходов. Для участия в процедуре от имени должника привлекается специальный лицензированный посредник в банкротстве (insolvency practitioner). Для применения IVA необходимо, чтобы соглашение было одобрено 75% требований кредиторов. Обычный срок IVA составляет пять–шесть лет. Если соглашение исполняется должником, он освобождается от обязательств. Статистика показывает, что в среднем исполняется около 70% IVA (соответственно, должники освобождаются от обязательств)⁷⁵. Правда, эти данные актуальны для IVA, которые были инициированы не позднее начала 2010-х годов, многие более новые IVA еще исполняются. Это выгодно отличается от статистики американской процедуры банкротства по Главе 13, приведенной выше (лишь 43% должников выполняют план погашения долгов).

Процедура DRO применяется в Англии сравнительно недолго, с 2009 года. Однако идея упро-

⁷⁵ https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/780276/IVA_Outcomes_and_Providers_2018_Commentary_domain_update.pdf. P. 4.

щенного банкротства для малоимущих граждан высказывалась в Англии еще в XIX веке. Один из идеологов реформы банкротства 1883 года, Томас Фаррер, писал: «Еще один важный вопрос — создать какую-то процедуру, аналогичную банкротству, но применяющуюся в отношении рабочих, у которых мало что есть, кроме заработной платы, чтобы они могли в случае несостоятельности получить освобождение от обязательств по умеренной цене и на разумных условиях»⁷⁶. Современный вариант «банкротства для малоимущих» основан на новозеландском механизме NAP (No Asset Procedure) и в общих чертах проходит следующим образом. Должник, размер необеспеченных обязательств которого не превышает 20 тыс. фунтов (т. е. должник категории NINA), обращается с заявлением к официальному посреднику-консультанту, основной из которых — UK Advice (Section 251B). Этот посредник проверяет, соответствует ли должник формальным основаниям, предусмотренным законом для применения DRO. После этого заявление передается в государственную Службу несостоятельности (Insolvency service), принимающую решение о допустимости заявления (Section 251E). Как правило, она лишь одобряет проверенное посредником заявление, Иэн Рэмси приводит цифру всего в 1% отклоненных службой несостоятельности заявле-

⁷⁶ Цит. по: Ramsay Iain. *Personal Insolvency In the 21st Century: A Comparative Analysis of the US and Europe. Chapter 1.1.*

ний, и еще в 5% случаев делается дополнительный запрос должнику⁷⁷.

Информация о принятых заявлениях публикуется на официальном интернет-ресурсе, где размещаются сообщения о банкротстве по всем категориям процедур⁷⁸. После этого устанавливается мораторий продолжительностью один год (Section 251H), по истечении которого должник освобождается от обязательств, правда, не всех, а только указанных в заявлении и одобренных Службой несостоятельности (притом, только необеспеченных обязательств).

Таким образом, английская система в целом поощряет граждан пользоваться механизмами несостоятельности и предоставляет достаточно широкие возможности по освобождению от обязательств.

В год в Англии подается порядка 120 тыс. заявлений (английская официальная статистика несостоятельности граждан ведется ежемесячно и поквартально). Большая часть процедур — это IVA (около 70 тыс. дел), затем DRO (около 30 тыс. дел), и, наконец, наименьшей популярностью пользуется традиционное банкротство (около 20 тыс. дел). За последние десять лет общее ежегодное ко-

⁷⁷ Ramsay Iain. *Towards an International Paradigm of Personal Insolvency Law? Footnote 133.* Для сравнения: в очень похожей новозеландской модели упрощенного внесудебного банкротства нет предварительного обращения должника к профессиональному консультанту, и там около 30% отклоненных заявлений должников: <https://www.insolvency.govt.nz/support/about/statistics/insolvency-procedure-statistics/no-asset-procedure-statistics>.

⁷⁸ <https://www.insolvencydirect.bis.gov.uk/eiir/IIRRegisterNameInput.asp?option=NAME&court=ALL>.

личество процедур снизилось с 140 до 120 тыс. дел о банкротстве, причем в 2015 году оно снижалось до 80 тыс. дел, но затем снова подросло за счет роста популярности процедур IVA (количество процедур традиционного банкротства и DRO остается стабильным)⁷⁹. Сейчас на долю IVA приходится порядка 60% всех процедур несостоятельности. Официальный статистический источник сообщает, что рост популярности IVA совпадал по времени со значительным увеличением рекламной активности профессиональных посредников, предлагавших услуги по содействию в оформлении этой процедуры, но не предлагает объяснения этому явлению⁸⁰.

Знаменитые должники

Карен Миллен (Karen Millen)

«Ничего себе, у Вас имя один в один как у той марки одежды», — иногда говорят продавцы, когда Карен Миллен расплачивается своей банковской картой. А ведь это именно она придумала, создала, вырастила, а затем успешно продала один из самых известных современных брендов.

Бизнес Карен Миллен начался в 1983 году со 100 фунтов и пошива простых белых сорочек,

а превратился в огромную империю с сотнями магазинов по всему миру.

В 2004 году она успешно продала свою долю в одноименной компании за 35 миллионов фунтов, а в 2008 году даже стала кавалером ордена Британской империи (ОБЕ). Что же пошло не так, и почему в 2017 году дизайнер была вынуждена подать заявление о личном банкротстве?

Причиной стало расследование налоговых властей Великобритании (HM Revenue & Customs), в рамках которого было доказано, что Карен Миллен, используя схему так называемой «оптимизации налогообложения», не доплатила в казну целых 6 миллионов фунтов!

А главная проблема была в том, что в 2017 году у нее уже не было возможности исполнить эти обязательства. Деньги от продажи бизнеса были частично потрачены, частично неудачно вложены (например, в обанкротившийся исландский Kaupthing Bank).

Кроме того, серьезный урон финансовому состоянию Карен Миллен нанес инициированный ею, но в итоге проигранный суд, в рамках которого она пыталась вернуть право использовать собственное имя в качестве названия для бизнеса. Однако суд счел, что Карен Миллен уже ранее получила достаточную компенсацию при продаже своего бренда, а также обязал выплатить ее несколько миллионов судебных издержек.

В результате, личное банкротство стало единственным выходом, в рамках которого дизайнеру пришлось расстаться со своими последними ак-

⁷⁹ https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/893641/Commentary_-_Individual_Insolvency_Statistics_Q1_2020.pdf.

⁸⁰ https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/780276/IVA_Outcomes_and_Providers_2018_Commentary_domain_update.pdf. P. 3.

тивами. В частности, на торги был выставлен ее старинный георгианский особняк в графстве Кент, стоимостью более 2,5 млн фунтов, с огромной территорией, бассейном и собственным футбольным полем.

Однако сама Карен Миллен не унывает: «Я ни о чем не сожалею, я верю, что нужно фокусироваться на будущем и учиться на своих ошибках», — сказала она после завершения процедуры банкротства.

Брюс Гроббелар (Bruce David Grobbelaar)

Болельщики со стажем наверняка помнят колоритного вратаря Ливерпуля 80-х — Брюса Гроббелара. Однако прославился он не только футбольными титулами (шестикратный чемпион Англии, обладатель Кубка чемпионов) и эксцентричным поведением («ноги-спагетти»), но и неординарной историей банкротства.

Все началось с того, что таблоид «The Sun» опубликовал материалы, из которых следовало, что Гроббелар активно участвовал в договорных матчах и брал за это деньги. Нашлись и подтверждающие это видеозаписи.

В ответ Гроббелар подал к «The Sun» иск о защите репутации, который много лет был предметом рассмотрения судов всех инстанций.

Первая инстанция согласилась с вратарем и присудила ему 85 тысяч фунтов. Последовавшая апелляция указала, что это издевательство над правосудием, и отменила ранее принятый в пользу Гроббелара судебный акт. А вот реше-

ние Палаты Лордов стало знаковым и повлияло на дальнейшую практику по подобным делам.

Лорды установили, что газета не смогла доказать намеренность пропущенных Гроббеларом голов, а потому вынесли решение в его пользу. Но при этом присудили спортсмену только 1 (!) фунт, так как сочли доказанным тот факт, что он договаривался о сдаче матчей и брал за это деньги.

Кроме того, с Гроббелара взыскали 2/3 расходов «The Sun» за судебные разбирательства в течение 8 лет, размер которых составил порядка полумиллиона фунтов. Для современной футбольной звезды (которой, безусловно, являлся Гроббелар) это не такие серьезные деньги, но в восьмидесятые футболистам платили гораздо меньше.

Вот почему знаменитому вратарю пришлось прибегнуть к процедуре банкротства, поскольку заплатить такую сумму он не смог. Зато прославился не только на футбольном, но и на правовом поле.

РОССИЯ: СВОЙ ПУТЬ?

Российская система банкротства граждан в ее существующем виде сформировалась лишь пол-года назад, когда в силу вступили изменения в Закон о банкротстве, предусматривающие упрощенное внесудебное банкротство граждан. Попробуем кратко описать нашу модель и ответить, подходит ли она под какой-то из рассмотренных вариантов или же представляет собой уникальный «свой путь» в банкротстве.

В России, как и в Англии, три основных механизма банкротства: реализация имущества, реструктуризация долгов, упрощенное банкротство для малоимущих граждан (ст. 213.2 Закона о банкротстве относит к процедурам банкротства также мировое соглашение).

Реализация имущества гражданина по своей идее — аналог конкурсного производства для банкротства юридических лиц, концептуально она похожа на американскую модель Главы 7 или английское традиционное банкротство граждан. В процедуре реализации имущества гражданина продается имеющееся у него имущество, погашаются требования кредиторов (это погашение сейчас практически номинальное — на практике — всего 3,8% за 2020 год⁸¹), и должник освобождается от оставшихся обязательств. Но от Главы 7 наша реализация имущества отличается тем, что она доступна для всех желающих, в России нет барьеров, подобных проверке иму-

⁸¹ <http://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20ЕФРСБ%202020.pdf>.

щественного положения должника (means test), которая в США закрывает путь к процедуре людям со сравнительно высоким уровнем доходов. Уровень освобождения от долгов после прохождения этой процедуры очень высок — так, по состоянию на 01.04.2021 года из 165 тысяч завершенных и прекращенных процедур реализации имущества только в 799 случаях (около 0,5%) суд отказал в освобождении от долгов⁸².

Российский вариант реструктуризации долгов предполагает одобрение плана реструктуризации собранием кредиторов с последующим утверждением его судом, в рамках какого плана гражданин погашает требования кредиторов полностью или частично. Срок действия плана реструктуризации, по общему правилу, составляет три года (п. 2 ст. 213.14 Закона о банкротстве)⁸³. В отличие от английской и американской модели, российский вариант реабилитационной процедуры не пользуется популярностью на практике. Например, в 2019 году план реструктуризации был утвержден всего в 204 процедурах (для сравнения — в том же году было введено почти 69 тысяч процедур реализации имущества). Всего же за 5 лет действия института несостоятельности граждан было утверждено 950 планов реструкту-

⁸² См. вкладку в настоящем издании, а также работу: Отказ в освобождении от долгов. Обзор судебной практики. А. Стещенко, А. Кобенко, В. Ефремов, А. Малькова. Арбитраж.Ру. 2019. С. 24.

⁸³ Интересно, что российский закон предусматривает и механизм *stap down* — утверждение судом плана реструктуризации, не получившего одобрения на собрании кредиторов (п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве).

ризации⁸⁴. Конечно, нужно учитывать, что, в отличие от США, должники с более высоким уровнем доходов не принуждаются в России к реабилитационной процедуре. Низкий уровень использования реабилитационной процедуры, несомненно, представляет собой проблему.

Третий путь банкротства — упрощенное внесудебное банкротство малоимущих граждан. Оно построено по модели Новой Зеландии и с точки зрения процедуры сконструировано ближе к первоисточнику, чем английский вариант: у нас заявление гражданина не проходит премодерацию и сразу подается в многофункциональный центр предоставления государственных услуг (п. 2 ст. 223.3 Закона о банкротстве). В течение одного рабочего дня он проверяет должника на соответствие формальному критерию отсутствия имущества, — в отношении гражданина должно иметься прекращенное исполнительное производство в связи с отсутствием имущества, и после этого не должно быть новых исполнительных производств. Если формальные критерии соблюдены, то информация о внесудебном банкротстве гражданина публикуется в ЕФРСБ. Если в течение шести месяцев никто из кредиторов, имеющих право инициировать банкротство в регулярном порядке, не воспользуется своим правом, то гражданин ос-

⁸⁴ Не должно вводить в заблуждение достаточно большое количество введенных процедур реструктуризации долгов (почти 16 тысяч за 2019 год), поскольку по российскому законодательству (п. 1 ст. 213.6 Закона о банкротстве) реструктуризация долгов вводится как первая процедура по делу, по общему правилу; но до момента утверждения плана она не является собственно реабилитационной процедурой.

вобождается от обязательств (п. 1 ст. 223.6 Закона о банкротстве). Критерии упрощенного банкротства в России вроде бы сформулированы достаточно просто — это размер задолженности (от 50 до 500 тыс. руб., что в принципе не радикально отличается от Англии) и факт отсутствия у должника имущества. Но этот факт должен подтверждаться прекращением исполнительного производства в отношении гражданина в связи с отсутствием у него имущества (п. 1 ст. 223.2 Закона о банкротстве), причем после прекращения исполнительного производства не должно быть возбуждено новое. А это с трудом поддавалось осмыслению гражданами — за первый месяц примерно 80% от всех поданных заявлений было возвращено (на 450 возбужденных процедур пришлось 1800 возвратов); в дальнейшем эта цифра начала снижаться, но не радикальным образом: по состоянию на 01 марта 2021 года — 67% (возвращено 5400 из 8000 поданных заявлений).

Как же можно охарактеризовать российское законодательство о банкротстве граждан с точки зрения описанных выше моделей?

С первого взгляда очевидно, что ни модель ответственности, ни модель милосердия нам не близки. В России существует несколько принципиально разных вариантов процедур банкротства, гражданин не проходит обязательную процедуру досудебного урегулирования и не должен рассчитываться по обязательствам после завершения процедуры банкротства (в отличие от модели ответственности), у государственных органов нет

таких дискреционных полномочий, как в *модели милосердия*. Что касается рыночной модели, то определенное сходство есть между российской процедурой реализации имущества и американской моделью Главы 7. Но есть существенное различие: в России нет ограничений на использование процедуры реализации имущества гражданином с более или менее высоким уровнем дохода. А что касается банкротства по Главе 11, то оно несопоставимо с формально схожей процедурой реструктуризации долгов гражданина по масштабам применения: у нас это крайне редкий вариант, в США же более трети от всех дел — о потребительском банкротстве. Кроме того, в отличие от США, у нас также есть внесудебное банкротство. Таким образом, при определенном сходстве с рыночной моделью в России общая концепция банкротства граждан все же отличается.

А вот модель ограничений, на наш взгляд, представляется наиболее близкой к российскому банкротному институту: реализация имущества, реструктуризация долгов и внесудебное банкротство по сути схожи с традиционной английской процедурой банкротства, IVA и DRO. В России, как и в Англии, существуют ограничения, которым подвергается должник после того, как процедура банкротства завершена. Например, в течение пяти лет гражданин не может повторно инициировать дело о собственном банкротстве, при получении кредита или займа обязан информировать кредитора о факте банкротства, в течение трех лет заниматься управлением юридическими лицами

(ст. 213.30 Закона о банкротстве). Эти ограничения, на наш взгляд, не очень существенные; более того, в профессиональном сообществе периодически заходит речь о необходимости их смягчения. Но между Англией и Россией есть и важное различие, связанное с применением реабилитационных процедур: в Англии это самый популярный вариант, в отличие от России. Поэтому, хотя российская модель на бумаге очень похожа на *модель ограничений*, на практике картины банкротства граждан отличаются.

По нашему мнению, такое положение дел позволяет усмотреть перспективное направление развития для российского законодательства: есть возможность повысить применяемость реабилитационной процедуры, несколько ограничив доступ к процедуре реализации имущества для граждан с более высоким уровнем дохода. Иными словами, реализовать подход “can pay, should pay”. В пользу этого говорит и то, что обычно подход “can pay, should pay” системно применяется вместе с упрощенным банкротством для должников категории NINA⁸⁵, и как раз такое упрощение (внесудебное банкротство) было недавно реализовано в российском законодательстве. Однако расчет потенциального позитивного эффекта от подобных изменений — повод для отдельного серьезного исследования.

⁸⁵ См., например: Смирных А.Г. *Новые парадигмы банкротства граждан: Россия и международно-правовые тенденции*// Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран. Под ред. С.А. Карелиной. — М., 2020. С. 222.

Знаменитые должники

Савва Иванович Мамонтов

На знаменитой картине Валентина Серова «Девочка с персиками» изображена Вера Мамонтова, 11-летняя дочь русского предпринимателя и мецената — Саввы Ивановича Мамонтова.

«Всем, что делал Савва Иванович, тайно руководило искусство», — однажды сказал К. С. Станиславский. И с этими словами сложно не согласиться: с помощью Мамонтова раскрылись многие выдающиеся художники и артисты! В его усадьбе Абрамцево были написаны картины Серова, Васнецова, Репина, Поленова, Коровина, Остроухова и др. Савва Иванович основал Московскую частную русскую оперу, познакомил аудиторию с творчеством Федора Шаляпина, финансировал журнал «Мир искусства».

При этом Мамонтов был очень успешным предпринимателем, проектам которого доверяли как частные инвесторы, так и государственные мужи, например, сам С. Ю. Витте.

Однако главный бизнес-проект Мамонтова по строительству северной железнодорожной магистрали внезапно закончился крахом. Причин такого печального итога было несколько: желание Мамонтова спасти Невский судостроительный и механический завод, неожиданный отзыв правительственной концессии на строительство дороги Санкт-Петербург-Вятка и, скажем так,

авантюрный стиль распоряжения денежными средствами руководимых им компаний...

Все это привело Мамонтова на скамью подсудимых, где он с помощью знаменитого адвоката Федора Никифоровича Плевако вынужден был доказывать, что никогда не имел корыстных мотивов или намерения причинить вред акционерам.

Известный журналист В. М. Дорошевич так описывал суд: «Это был удивительный процесс. Человек обвиняется в преступлении с корыстными целями, а на суде, если и говорилось, то только о его бескорыстности».

В конечном счете, Савва Иванович и все обвиняемые были оправданы присяжными в уголовном суде. Но гражданские иски к ним были удовлетворены более чем на 9 млн рублей.

7 июля 1900 года Московский окружной суд признал Савву Ивановича несостоятельным должником, что привело к распродаже его имущества, в том числе дома и коллекции картин. Железная дорога и Невский завод были выкуплены государством...

Владимир Абрамович Кехман

Бывший «банановый король» является, пожалуй, самым известным банкротом в современной России. Одиозный бизнесмен постоянно находился в центре внимания прессы: деловые СМИ рассказывали о фруктовой империи Кехмана, в светской хронике обсуждалась сыгранная им на сцене Михайловского театра роль Принца Лимона, а некоторые журналисты публиковали

расследования, в которых Кехман практически напрямую обвинялся в незаконном трафике кокаина из Латинской Америки.

Однако в 2012 году газеты вышли совсем с другими заголовками: фруктовый бизнес Кехмана внезапно рухнул, а контролируемые им компании инициировали процедуру банкротства. Сам бенефициар попытался объяснить возникшие проблемы последствиями «арабской весны» и неблагоприятными рыночными условиями, но как бы то ни было, факт оставался фактом: подконтрольная ему группа компаний JFC задолжала банкам около 20 млрд рублей!

Пока кредиторы пытались спасти ситуацию, а также включали свои требования в реестры банкротящихся российских компаний, Кехман направился в Лондон, где инициировал еще одну процедуру банкротства — на этот раз личного (впоследствии подобное поведение суд назвал классическим примером «банкротного туризма»). Спустя три года, в октябре 2015, когда в России начал функционировать институт банкротства граждан, процедуру несостоятельности Кехмана, выступавшего поручителем по обязательствам ЗАО «Группа Джей Эф Си», инициировал уже один из кредиторов.

Каких только усилий ни предпринимал Владимир Абрамович, чтобы остановить процесс собственного банкротства: и пытался прекратить процедуру на основании того, что ранее стал банкротом в Англии, и пытался признать английский приказ о банкротстве на территории России,

и оспаривал включение требований кредиторов — все тщетно: летом 2016 года он снова был признан банкротом, на этот раз в России.

Общая сумма требований кредиторов составила около 9,5 млрд рублей, однако в ходе банкротства с должника удалось получить лишь немногим более 9 млн рублей. Никаких активов у Кехмана к тому моменту не было: автомобиль Bentley и коллекция швейцарских часов были проданы еще в Англии; недвижимость в Пушкине реализовали судебные приставы в рамках исполнительного производства; элегантная яхта «Bonanza!» и роллс-ройс ушли с молотка в ходе банкротства компаний группы JFC. Поэтому кредиторы в банкротстве Кехмана были вынуждены довольствоваться обращением взыскания на его заработную плату, а также продажей совсем уже экзотических предметов типа драгоценных запонок, икон и портрета самого должника, подаренного ему неизвестным художником на свадьбу.

Финал процедуры банкротства для теперь уже бывшего директора Михайловского театра оказался особенно болезненным: суд не освободил должника от обязательств перед кредиторами, и надо сказать, что для такого решения были действительно веские основания. Во-первых, во время банкротства Кехман активно путешествовал и пользовался услугами дорогостоящих адвокатов. Во-вторых, Следственным департаментом МВД России было установлено, что Кехман совместно с менеджерами его компаний незаконно получали кредиты путем предоставления банкам заведомо

ложных сведений. В-третьих, решением лондонского Высокого суда правосудия от 2018 года было установлено, что по указанию Кехмана фальсифицировались документы для получения кредитов. Более того, выяснилось, что у должника имелись существенные зарубежные активы, сведения о которых не были раскрыты суду в рамках процедуры банкротства.

Таким образом, несмотря на многолетние судебные процессы с привлечением десятков юристов в разных государствах, «дело Кехмана» все еще открыто: кредиторы вновь получили исполнительные листы, предъявили их к исполнению и не оставляют надежды когда-нибудь вернуть свои деньги назад.

А. Амелин, А. Смирных, Я.-О. Хойер

**ЛИЧНОЕ БАНКРОТСТВО В РОССИИ
И В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ XXI ВЕКА**

 Издание книг.ком

Генеральный директор Егор Панурин

Дизайнер-верстальщик Дмитрий Збрайлов

Корректор Татьяна Осипова

Интернет-магазин издательства:

izdanieknig.com/catalog

По вопросам издания, продвижения или приобретения
книг оптом пишите на *info@izdanieknig.com*

Изд. №2117-И. Заказ № ____.

Отпечатано в « ____ »

ООО «Издание книг ком»
Сдано в набор 30.04.2021 г.
Подписано в печать ____ г.
Тираж 200 экз.